

маршбанд

Джо Бевеали

*Лерцог-
мурат*

Очарование (АСТ)

Джо Беверли
Герцог-пират

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бевеpли Д.

Герцог-пират / Д. Бевеpли — «Издательство АСТ»,
2010 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-136684-1

Когда Беллу Барстоу похищают, она решает, что ее хорошая репутация, да и вся жизнь, растоптана навсегда. Но внезапно на ее пути появляется капитан Роуз — гроза морей и прожигатель жизни. Он спасает девушку, и Белла, не желая вдаваться в подробности своего позора, попросту сбегает... Проходят годы, и Белла вновь нуждается в помощи необычного «рыцаря». Ведь только в его силах помочь ей наказать того, кто повинен в ее похищении. Но капитан Роуз совсем не тот, за кого себя выдает... Какие маски им придется снять, в какие приключения окунуться и куда в итоге их заведет эта опасная игра?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136684-1

© Бевеpли Д., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	54
Глава 8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джо Беверли Герцог-пират

Jo Beverley
The Secret Duke

© Jo Beverley, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Глава 1

Дувр, 1760 год

Насколько многогранным может быть смех: от восхищения довольного ребенка до невнятного бреда безумца. Туманной ночью на пустынной улице Дувра остановился мужчина, услышав смех. Особенный, ни с чем не сравнимый. Жестокий смех – так хохочут негодяи, поймавшие свою жертву.

Оглядевшись по сторонам, мужчина заметил, что слева от него вода била о пристань, и ветер трепал такелаж кораблей. Чуть дальше – беспокойная вода звонила в колокол буя¹. Справа – фонари у зданий поблескивали в морском тумане, их тусклого света едва хватало, чтобы прохожие могли обойти крупный мусор: обрывки канатов, мокрые тюки и разбитые бочки со зловонным содержимым.

Мужчина покачал головой и решил продолжить свой путь, но смех раздался снова. На этот раз он сопровождался одним пронзительным словом. Прохожий не смог определить, что это за слово, но голос был похож на женский. Это мог быть корабельный мальчишка, которого дразнят, или гулящая девка, привыкшая к этому суровому району. Его это не касается.

Но потом он услышал еще несколько слов, произнесенных более высоким и настойчивым тоном. Точно не мальчишка. Почти наверняка не гулящая девка. Но какая порядочная женщина рискнет наведаться сюда поздним октябрьским вечером?

«Черт бы все это побрал!» После двух промозглых дней и ночей в море, он надеялся на вкусный ужин и мягкую постель в гостинице «Компас». А завтра мечтал отправиться домой.

Мужчина решил не торопиться и подождать немного, но больше не услышал ни звука. Что бы там ни происходило, по всей видимости, все уже закончилось. Однако вновь раздавшиеся крики заставили его захрипеть от негодования и повернуть назад. Мужчина двинулся в сторону пробивавшегося сквозь туман света, вероятно, обозначающего вход в заведение. Это был единственный ориентир, который он видел в темноте.

По мере приближения он смог разглядеть дверь, по обе стороны от которой были два маленьких закрытых решетчатыми ставнями окошка, – из них пробивались тонкие струйки света. Табачный дым также вылетал наружу вместе с запахом свежего и затхлого эля, и человеческой вонью. Портовая таверна самого низшего порядка, притон неотесанных моряков и рабочих.

Скрипучий голос фыркнул что-то про «сиськи».

Женщина молчала. Не могла вымолвить ни слова?

Когда прохожий приблизился к двери, то увидел прибитую над ней грубо нарисованную табличку с названием «Черная крыса».

– Чума на всех вас, – пробормотал капитан Роуз и плечом открыл покореженную дощатую дверь.

Он не ошибся насчет дыма и приглушенного света, из-за которых в комнате был полумрак, но он мог видеть то, что происходило внутри, достаточно хорошо.

В заведении яблоку было негде упасть: мужчины пили из своих кружек, и сидели на табуретах и скамьях, развернувшись так, чтобы было лучше видно происходящее. В углу справа пятеро мужчин держали в ловушке женщину. Возможно, ее затащили туда, как только она, на свою бедную голову, вошла в таверну.

«О чем, во имя Аида, она только думала?» Окинув ее быстрым взглядом, Роуз понял, что женщина молода и благородного происхождения. Платье в коричнево-кремовую полоску,

¹ Сигнальный поплавок. – Здесь и далее примеч. пер.

по всей видимости, обошлось ей в кругленькую сумму, а волосы, явно ухоженные, виднелись из-под изящного чепца, отделанного кружевами. И да, выпуклость под платком, затянутая в низкий лиф, сообщала всем, что у нее пышная и красивая грудь. Мучитель, один из стоящих вокруг нее, пытался стащить с ее груди тонкий платок, будто играя в кошки-мышки, но уверенный в своей победе.

Она шлепнула его по руке. Мучитель рассмеялся.

Оглядевшись в поисках союзников, Роуз не увидел никого из знакомых.

Присутствовала еще одна женщина – на вид лет сорок, или около того, с твердым выражением лица, – которая охраняла большой бочонок с элем. Хозяйка таверны или жена хозяйина, но она никак не пыталась вмешаться в происходящее, продолжая наполнять кружки по требованию и принимать оплату. Роуз понял, что он один против пятерых. И теперь пирующие начали замечать его появление, подталкивая друг друга локтями и перешептываясь.

Вполне естественно, ведь он здесь такой же посторонний, как и забредшая девушка. На Роузе был темный старомодный сюртук, но отлично скроенный, распущенные волосы спадали до плеч и проглядывала многодневная небритость. Оглядевшись, он понял, что подобные люди признают только высокое положение и серьезный авторитет.

И первое, и второе у него имелось, но в данной ситуации могло либо помочь ему выпутаться, либо напороться на нож в горле. Достаточно просто будет потом сбросить труп с ближайшего причала, и никто никогда ни о чем не узнает. В таких местах, как это, никто не доносит.

Кто-то мог узнать его – красный шейный платок капитана Роуза и серьга-череп должны были привлечь внимание, – но все это бесполезно, если произойдет серьезный конфликт.

Он не увидел ни признания, ни враждебности, только интерес к новому актеру на сцене и надежду, что он обеспечит еще больше бесплатных развлечений. Роуз снова обратил внимание на сцену в углу. Это точно приличная дама. Это было понятно по ее одежде, а также по осанке и негодованию, вспыхнувшему в ее глазах. А чего она ожидала? Что завсегдаи такого заведения, как «Черная крыса», окажутся джентльменами?

Ее надменные манеры и аппетитная фигура должны были, в конце концов, привести к изнасилованию. Даже такие негодяи, как эти, не стали бы истязать испуганную слабую женщину. Но столкнувшись с такой смелостью, они посчитали игру честной, особенно с учетом того, что она пришла сюда по собственному выбору.

Или она охотница за подобного рода приключениями? Есть особый тип женщин, которые считают грубых мужчин возбуждающими. Но это полное сумасшествие – по своей воле опускаться так низко. Ей, возможно, даже нет восемнадцати лет. Абсолютно точно: слишком молода, чтобы быть настолько порочной. Когда двое мучителей что-то почувствовали и повернулись к нему лицом, он подумал, настолько ли он безумен, чтобы попытаться спасти ее.

Один мужчина был весь в шрамах и жилистый, а другой – громила, с твердыми, накачанными мышцами и низким костлявым лбом. Вытащить ее отсюда без кровопролития будет нелегко, и кровь вполне может оказаться его собственной.

Мужчина пониже ростом вытащил длинный филейный нож, который, по всей видимости, был острым, как бритва.

Теперь уже не было времени для долгих раздумий. Как и в случае с дикими животными, было бы губительно показывать свой страх, даже несмотря на то, что его сердце учащенно билось. И в конце концов, не мог же он бросить это глупое создание на произвол судьбы.

Он шел вперед, грубо проталкиваясь между столами.

– Так вот ты где, тупая дрянь! – прокричал он голосом, которым в штормовую погоду обычно давал указания матросам. – Что, черт возьми, во имя Аида, ты о себе возомнила, раз бродишь здесь?

Никто из мужчин не сдвинулся с места. Их жертва тоже не пошевелилась, только во все глаза посмотрела на него. Тогда Роуз увидел, насколько девушка, несмотря на показное мужество, на самом деле боится. Вокруг ее глаз появились белые круги, и он надеялся, что сам не выглядел также. «Подыграй же мне, черт бы тебя побрал», – подумал он, оценивая окружающую обстановку.

По всей видимости, единственная реальная угроза исходила только от этих двоих, что стояли перед ним. Но, если он хоть на секунду покажет свой страх, то все остальные набросятся на него, как стая грязных собак. В его кармане был пистолет, но только с одним патроном. Также имелся и нож, но он знал, что не сможет победить в ближнем бою, а если покажет оружие сейчас, то все поймут, что он боится.

У него не было другого выхода, кроме как идти напролом, что он сделал: проскочив мимо двоих мужчин, словно не замечая их, Роуз схватил девушку за руку и прорычал:

– Пойдем!

Она инстинктивно отпрянула назад, но затем сделала шаг навстречу. Это выглядело достаточно правдоподобно для ситуации, когда женщина была поймана на неподобающем поведении разгневанным мужем или опекуном. Однако когда Роуз потащил ее к двери, двое мужчин решительно преградили им путь.

– Ваша маленькая леди пришла в гости, – сказал громила, разминая свои большие руки. Очевидно, он думал, что это единственное, чем ему придется воспользоваться в драке, и, вероятно, он был прав. – Теперь она наша.

– Это моя супруга, – сказал Роуз усталым тоном, который, как он надеялся, вызовет сочувствие, – и, как видите, наполовину выжила из ума. Оставьте нас.

– Мне нет дела до того, что она помешанная, – сказал человек с ножом, оскалив грязные сломанные зубы. – Но у нее большие сиськи. И мы хотим их увидеть.

«А, черт».

– Не в этот раз, – сказал Роуз и переместил левую руку на правое запястье, затем вынул нож.

Не раз отрепетированный трюк обычно впечатлял его врагов, ведь он держал нож в необычно устроенных ножнах на правой руке, поэтому его появление из ниоткуда всегда казалось неким волшебством. В тот момент, когда противник отвлекся, Роуз достал из правого кармана пистолет. Капитан был левшой, но умело орудовал обеими руками. А пистолет был маленького размера и специально сделан так, чтобы его курок можно было легко взвести одной рукой. Слишком маленький для дальней стрельбы, но сейчас он мог остановить человека.

Мужчина низкого роста смотрел на оружие сквозь прищуренные глаза, настороженно, оценивая свои шансы. Громила жевал жвачку так, словно желал перемолоть жертву своими зубами.

Остановят ли они его снова? Роуз решил проверить их настрой, сделав шаг в сторону. Двое мужчин двинулись, чтобы не дать ему пройти.

Человек с ножом сказал остальным:

– Давайте, ребята! Он один, и, судя по оружию, никчемный защитник. Это даже ножом сложно назвать! Ну же, хватай его!

Группа мужчин зашевелилась, но не очень активно.

Роуз поднял пистолет и направил его прямо в левый глаз человека с ножом.

– Хочешь сдохнуть первым?

Повисшую паузу нарушил громкий голос пожилого человека из глубины комнаты.

– На вашем месте, парни, я бы не стал связываться с капитаном Роузом.

Все присутствующие, кроме тех двоих опасных мужчин, повернулись на голос пожилого человека. Капитан Роуз не сводил глаз со своих противников.

– Цветочек²? – усмехнулся мужчина с ножом. – Посыпать его красивые лепестки?

Приятели негодяя начали злобно смеяться, затем неуверенно, как мокрый песок, двинулись в сторону капитана.

– Капитан «Черного лебедя», – произнес тот же голос с предупреждением, – сломал руку последнему, кто набросился на него с ножом.

Трое злодеев немного отступили. Роуз понятия не имел, кто говорил все это, но молча благодарил его, хотя и надеялся, что не придется доказывать правдивость сказанного.

Капитан Роуз и его корабль «Черный лебедь» были хорошо известны в этих краях южного побережья. Занимаясь по большей части обычной торговлей, «Лебедь» не гнушался участвовать в нелегальных делах, путешествуя через Ла-Манш. Капитан позаботился о том, чтобы люди на побережье знали: «Черный лебедь» не помогал французам, особенно во время недавней войны. Ведь даже самая мерзкая кентская морская крыса не отнеслась бы по-доброму к тому, кто снисходительно относился к их древнему врагу.

Местные жители прекрасно знали, что капитан Роуз с корабля «Черный лебедь» – преданный англичанин и хороший моряк. Но он был известен и другими заслугами. А точнее – любил подраться, и да, он никогда и никому не позволял направлять на себя оружие.

На самом деле было два капитана Роуза, и бравый защитник несчастной девушки был не тем, про кого говорил старик.

Он – герцог Айторн, известный своим друзьям как Торн.

А любитель подраться – Кaleb – его незаконнорожденный единокровный брат.

Торн, как и Кaleb, был отменным моряком, но у него не было тяги к бессмысленным дракам, точнее, он вообще не умел драться. Но внешне они с Калелем были похожи друг на друга, как две капли воды. Небольшое различие в их чертах было скрыто темной щетиной, которая иногда превращалась в бороду. Для полноты образа капитан Роуз носил характерную одежду – старомодный черный сюртук и красный шейный платок, а также серьгу-череп с глазами-рубинами.

Люди видят то, что хотят видеть, поэтому внешние атрибуты доказывали, что человек перед ними – капитан Роуз с «Черного лебедя».

Именно Кaleb был капитаном «Лебедя» большую часть времени, и поэтому у капитана Роуза была определенная репутация: общительный ловелас и бесстрашный драчун. Он с удовольствием ввязывался в драку, особенно если был немного пьян, а после – продолжал весело пировать со своими противниками, если только они не применяли к нему оружие. Ножи он воспринимал как личное оскорбление и не оставлял обидчику никаких шансов. Возможно, репутация Калеба сейчас сыграет им на руку.

– Я капитан Роуз, все верно, так что прислушайтесь к этому человеку и уйдите с дороги! Брови громилы сошлись на переносице.

– Но ты все еще один против нас.

– Порой один стоит десятка.

Громила уставился на него, озадаченный.

Какой-то мужчина из толпы проговорил:

– Я слышан о капитане Роузе, но не знал, что он женат.

– Не благословлены церковью, признаю, – ответил Торн.

Среди всеобщего смеха один из грубиянов настороженно заметил:

– Мог бы выбрать более сговорчивую.

– А я люблю девиц с огоньком, – парировал Роуз.

– В постели она тоже горяча, да?

– Не сомневайся в этом!

² От англ. rose – роза, цветок.

Роуз ляпнул это для того, чтобы досадить идиоту, вызвавшему переполох, но сразу понял свою ошибку. Во всех присутствующих пробудился новый интерес.

В этот самый момент мимо пролетела кружка, разбрызгивая эль, и ударила в голову человека с ножом. Он вскрикнул, приложил руку к голове, зашатался, а затем рухнул на колени.

– Эй, это была моя кружка, женщина, – кто-то негромко запротестовал.

Торн проклинал себя. Негодяй с ножом пытался сбить его с толку тем разговором, и он поддался. Хорошо, хоть девушка не растерялась. Торн отступил назад, чтобы встать рядом с ней.

– Прямое попадание, мадам.

– Спасибо, сэр, – проговорила она сдавленным голосом, – но у меня больше нет боеприпасов в пределах досягаемости.

Торн передал ей свой пистолет.

– Курок взведен, так что будьте осторожны.

Девушка взяла пистолет, но по тому, как она это сделала, стало ясно, что она явно никогда раньше не держала в руках оружие.

– Направьте дуло вверх. Мы же не хотим убить кого-нибудь, – поспешно сказал он, а затем добавил: – По крайней мере, случайно.

Наконец мужчины отступили. Очевидно, вид оружия в руках женщины был более пугающим, чем в руках мужчины, особенно если она не имела ни малейшего представления о том, что с ним делать.

Торн, подавляя смех, молился, чтобы девушка случайно не подстрелила кого-нибудь, особенно его самого. Однако все складывалось как нельзя лучше. Человек с ножом все еще был без сознания – девушка попала в самое яблочко. Без своего приятеля громила уже не казался таким устрашающим.

Торн покопался в кармане брюк, нащупывая монеты. Какая сумма могла бы спасти ситуацию? Ему не хотелось ни в ком возбудить желание ограбить его, но при этом необходимо было предложить достаточно, чтобы они смогли спокойно уйти отсюда. Он достал серебряную монету в шесть пенсов и бросил ее человеку, который потерял свою выпивку.

– Спасибо, сэр! – сказал мужчина с беззубой ухмылкой.

Торн достал еще одну монету в пять шиллингов и протянул ее одному из хулиганов.

– В качестве компенсации?

Мужчина на мгновение замешкался, а затем выхватил монету.

– Вы правы, капитан! Это того стоило! Когда еще увидишь такой хороший бросок! Но я бы забрал у нее пистолет, да побыстрее.

– Отличный совет!

Торн забрал из дрожащих рук девушки свой пистолет и опустил курок, но сделал это незаметно. В комнате по-прежнему было много народу, настроение оставалось неопределенным. Их могли схватить, подставить подножку, даже зарезать, прежде чем они доберутся до двери. Теперь целью негодяев могли стать деньги. Женщины стоят дешево, в отличие от серебра.

Не слишком ли долго он раздумывал, не брал ли на себя слишком большой риск, как иногда говорили его друзья? Но как можно было не обдумывать эту ситуацию? Однако следовало размышлять быстрее, чтобы выбраться отсюда – человек с ножом начал потихоньку подниматься на ноги. А по лицам окружающих было непонятно, заинтересовало ли их содержимое его карманов.

Затем раздался звон церковного колокола.

Все переключили интерес на него – было слишком поздно для какой-либо службы.

– Французы? – пробормотал кто-то, и разговор подхватили другие.

Мужчины встали и с грохотом начали отодвигать табуреты и скамейки. С давних времен церковные колокола призывали людей Кентского побережья отразить вторжение. Несмотря

на недавно заключенный мирный договор, здесь, всего в двадцати милях от Кале, никто не доверял французам.

Торну этот звук больше напомнил похоронный звон, чем сигнал тревоги при вторжении, но почему позвонили так поздно ночью?

Затем кто-то ворвался с криком:

– Король мертв! Георг Второй мертв! Сегодня утром с ним случился припадок. Он мертв! «Милостивый Господь».

Однако этим моментом Торн не мог не воспользоваться.

– Боже, храни нового короля! – прокричал он. – Эль за мой счет! Пейте, парни, пейте! Выпьем же за молодого Георга Третьего!

Когда все повскакивали с мест и начали толкать друг друга, протискиваясь к бочке с элем, Торн снова схватил девушку за руку. Она начала сопротивляться, и он огрызнулся:

– Не будь душой!

– Но там моя накидка! – сказала она, задыхаясь.

Он увидел лежащую на полу накидку и позволил девушке поднять ее и надеть, после чего обнял за плечи и повел к выходу, подальше от погрузившийся в радостный хаос «Крысы».

На выходе их встретил крепко сложенный мужчина, хозяин таверны, намекая на оплату эля. «Не время торговаться». Торн достал из потайного кармана полгинеи и передал ее. Мужчина улыбнулся и кивнул.

– Спасибо, сэр. И да благословит Господь короля. Будет странно привыкать к новому.

– Ваша правда.

Торн оглянулся в поисках человека, который раскрыл его личность, и ему подмигнул пожилой мужчина, мирно попыхивающий трубкой. Торн рискнул подойти к нему, чтобы отдать старику гинею.

Мужчина засунул ее в карман и с достоинством кивнул.

– Да благословит вас Бог, сэр!

– И вас!

Затем спаситель вывел девушку на улицу. Они шли по набережной, он торопил ее, пока их не скрыла туманная темнота. Торн благословил все пребывающую толпу. Когда он подходил к «Крысе», этот район был почти пустынным, но теперь люди высыпали из зданий и, возможно, шли из других районов города, чтобы вместе порадоваться новостям.

Опасность миновала, но что, черт возьми, ему было делать с этой девушкой? Особенно сейчас, в этот необычный момент.

Старый король царствовал тридцать три года – столько, сколько себя помнили многие из собравшихся здесь, включая Торна. Старший сын короля, Фредерик, умер несколько лет назад, поэтому новым монархом стал сын бедного Фреда, Георг, который был моложе Торна и находился под опекой матери и своего благородного наставника, графа Бьюта.

Повсюду воцарился хаос, и Торну нужно было как можно скорее добраться до Лондона, но на шее у него повисло это глупое, упрямое бремя. Девушка закуталась в накидку и натянула капюшон, пытаясь спастись от влажной прохлады, так что он почти не видел ее лица, пока она не взглянула на него.

Спокойным голосом она произнесла:

– Вы теперь меня оставите?

«Просьба не делать этого была бы намного уместнее, девочка моя». Но, похоже, подобные слова не в ее стиле – ни по отношению к жадным негодяям, ни к нетерпеливым защитникам. Он даже немного восхитился этим.

Или ее слова были простым коварством, нацеленным на определенную реакцию? Ему очень не нравилось, когда им манипулировали, вместе с тем его оскорбило предположение, что он сможет бросить молодую леди в таком районе, в такую ночь.

– Вам лучше пойти со мной, ко мне в гостиницу, – сказал Торн коротко. – Это недалеко, и там мы сможем обсудить вашу проблему.

– Я сомневаюсь, что вам будет легко ее решить.

– Вы предпочтете, чтобы я даже не попытался? Тогда уходите.

Он почувствовал, как она вздрогнула.

– Нет, простите. Это просто... будет трудно.

– Я в этом не сомневаюсь.

Он обнял ее, чтобы провести через нахлынувшую толпу людей. На мгновение она сопротивлялась, но затем проявила здравый смысл. Настроение толпы было веселым. Конечно, праздновать вступление на престол нового короля было намного приятнее, чем оплакивать старого, но праздник предполагал выпивку, много выпивки, поэтому вскоре это пиршество могло перерасти в беспорядки.

– Итак, что привело вас в «Крысу»? – спросил Торн.

– Так называлось то место? Какое говорящее название.

– Ну? – потребовал он.

– Я...

Но затем она повернулась и обвила руками шею Торна, сильно прижавшись к нему. Он инстинктивно обнял ее, но тут же схватил за запястья, чтобы отстранить. Черт бы ее побрал, это была чрезвычайно хитроумная попытка скомпрометировать его и заставить жениться?

– Нет, – отчаянно прошептала она, цепляясь за его сюртук. – Пожалуйста!

«Боже правый». Он слышал о женщинах, сведенных с ума необузданными желаниями. Неужели это тот самый случай? Хотела ли она этого здесь и сейчас, на набережной? Не в силах отказать себе в любопытстве, он поцеловал ее приоткрытые губы.

Девушка резко превратилась в ледяную статую, ее губы плотно сжались.

Досадно, но она явно не обезумела от необузданных желаний. Даже не притворилась заинтересованной, в надежде вызвать ответный интерес. Оставалось только одно объяснение.

– Вы от кого-то скрываетесь? – прошептал он.

Она немного расслабилась.

– От двоих мужчин, которые идут по улице.

Тревожные движения ее губ напротив его губ были удивительно соблазнительными, но, похоже, не для нее. Он понял, что его персона абсолютно ее не интересует.

«Это что-то новенькое».

Глава 2

Притворившись, что целует девушку, Торн повернулся и огляделся по сторонам.

Толпа все прибывала и было непросто понять, о ком именно она говорит, но ему удалось заметить двоих мужчин, которые были трезвы и сосредоточены. Они пробирались сквозь толпу не торопясь, но при этом следуя определенному маршруту. Один был в накидке, другой нет, и на обоих – треуголки. Кто они такие? Высокопоставленные слуги или лорды.

Все еще держа девушку в объятиях и почти касаясь губами ее губ, Торн спросил:

– Вы злодейка или они?

– Они, конечно. – Она напряглась.

– Случайно, не поверенные вашей семьи, стремящиеся вернуть вас домой?

– Конечно, нет!

– Надеюсь, вы не держите меня за дурака? Это было бы неразумно.

Она пробормотала, почти прорывав:

– Жаль, что не могу сказать, чтобы вы отправлялись к дьяволу и прихватили с собой этих двоих.

Торн засмеялся – он просто не смог сдержаться.

– Похоже, или я, или они, милая. Знакомый дьявол, пожалуй, получше, а?

– Хорошо, – согласилась она довольно грубым тоном и глубоко вздохнула.

Он снова засмеялся. Черт возьми, а ведь ему определенно по душе эта девушка – какая способность принимать неизбежное! Ее совсем неженский характер, вероятно, и стал причиной такой плачевной ситуации, и она легко могла ее усугубить. Но кем бы ни была незнакомка, и какой бы ни была ее ситуация, было безрассудно покидать дом и так рисковать.

Продвигаясь дальше, Торн не спускал глаз с мужчин. Один из них скрылся в таверне, а другой остался снаружи, осматривая толпу. Торн пожалел, что он высокий, потому что, попытайся он пробраться в свою гостиницу незамеченным в толпе людей – их бы тут же раскрыли. Однако преследователи искали женщину, одну, причем в дорогой одежде. Она поступила мудро, спрятав свой кружевной чепец.

Продолжив размышлять, Торн понял, что они выделяются из толпы – они такие же трезвые и целеустремленные, как и их преследователи.

Когда пьяный матрос проходил мимо, пошатываясь и чуть не рухнув на них, Торн выхватил из его руки кружку. Матрос с недоумением посмотрел на свою пустую ладонь, а затем бесильно рухнул на моток корабельных тросов. Торн помахал кружкой и, пошатываясь, пошел дальше, подпевая очень громкому исполнению скандальной частушки.

– Да что это с вами? – запротестовала девушка.

– Пытаюсь смешаться с толпой. Ведите себя так же, как и все остальные.

– Но я...

Кто-то неподалеку начал неровно исполнять недавно ставшую популярной песню «Боже, храни короля».

Боже, храни короля,
Да здравствует наш благородный король,
Боже, храни нашего короля...

Торн присоединился к поющему, намеренно выбиваясь из мелодии, плетясь и пошатываясь. Внезапно его спутница зашаталась вместе с ним, подпевая мерзким гнусавым голосом. Смеясь, он притянул ее к себе, чтобы поцеловать: прильнув к ее губам, он попытался проникнуть своим языком в ее маняще приоткрытый рот.

Она тут же отпрянула.

– Мы пьяны, помните? – сказал Торн, ухмыляясь.

– Я совсем не пьяна, – ответила она, все еще покачиваясь и разыгрывая хмельное веселье. – Я, сэр, никогда не была пьяна.

– Бедное создание. Какая у вас скучная жизнь!

– Некоторые могут получать удовольствие и без вина.

– Вы обязательно должны показать мне, как это делается! – сказал он, наблюдая, как преследователи примкнули к толпе и теперь находились уже совсем близко от них. – А пока смейтесь давайте!

– Смеяться?

Он наклонился ближе и прикусил ее за ухо.

Девушка взвизгнула от неожиданности, но попыталась придать звуку пьяные нотки. И тут же ударила его ногой по голени. На нем не было сапог, поэтому он хорошо ощутил твердость ее туфли. Торн сильно зашатался, крепко держась за нее, так что она чуть не потеряла равновесие.

Избегав падения, девушка почувствовала сильный шлепок по ее задку. Она вихрем бросилась на него.

– Да как вы!..

В бесконтрольной ярости она стала похожей на шумную базарную женщину, и теперь они были в центре внимания – толпа поддерживала то одного, то другого. Торн подумал было, что все испортил, но потом увидел, как преследователи отмахнулись от этой суматохи и последовали дальше.

Он обернулся, и в этот самый момент получил пощечину. Удар был слабым, поэтому он просто покачал головой, схватил ее за запястье и увлек за собой.

– Когда вернемся домой, девочка моя, я научу тебя манерам, – громко объявил он.

Люди подбадривали их, но вскоре вернулись к своим развлечениям. Через мгновение они уже миновали толпу, переместившись в неосвещенное место. Затем свернули в узкий переулок, который привел их к заднему входу гостиницы «Компас».

– Пока все чисто, – мягко сказал Торн, – но скоро они доберутся до «Крысы» и узнают, что там произошло.

Остановившись, она пыталась перевести дух.

– Значит, они узнают, что я с капитаном Роузом, – ответила девушка.

– Все верно, дорогая, – сказал Торн, впечатленный ее сообразительностью и огорченный тем, что сам не предугадал опасность. – И кто-нибудь обязательно будет знать, где всегда останавливается капитан Роуз.

Она двинулась в противоположную сторону.

– Мы должны пойти в другое место!

Торн взял девушку за руку и повел за собой к гостинице.

– Моя лошадь в «Компасе», как и все остальное имущество. Мы сможем покинуть Дувр через четверть часа, тогда и объясните мне все. Мы на месте.

На конюшенном дворе стояли два конюха: один вел лошадь, а другой нес ведро. Они узнали Торна, но были удивлены, увидев, что он подходит к гостинице с задней стороны, да еще и не один.

– Могу я вам чем-то помочь, капитан? – спросил тот, что был с ведром.

– Да, известие о смерти короля изменило мои планы. Мне нужна моя лошадь и дамское седло.

– Конечно, сэр, – сказал мужчина, внимательно взглянув на даму.

Торн тоже посмотрел на девушку и заметил, что капюшон по-прежнему скрывает ее лицо. Была ли она из Дувра и боялась, что ее узнают? Или она была известной злодейкой-карманни-

цей или, быть может, воровкой, или похуже – той, кто увлекает невинных молодых женщин в бордели?

Он не хотел в это верить. Девушка была слишком молода и, хоть и умна, не казалась хитрой или коварной.

– Это займет несколько минут, – сказал он. – Вам нужно поесть и попить, прежде чем мы уйдем?

– Нет, спасибо, – ответила девушка, и затем добавила: – Куда вы меня повезете?

Она пыталась сказать это уверенным тоном, но голос ее дрожал. Насколько он мог судить, это была нежная молодая леди, попавшая в серьезные неприятности, которые не смогла преодолеть самостоятельно. Ему нужно было срочно отправиться в Лондон, но он смирился с тем, что пока не сможет этого сделать.

– Я постараюсь помочь, чем смогу, и попробую отвезти вас туда, куда скажете.

– Мне нужно в местечко неподалеку от Мейдстона.

– Это достаточно далеко отсюда.

– Вы правы.

– Так как вы сюда добрались?

– В экипаже.

Торн подумал, что этот диалог может продолжаться всю ночь, и, по правде говоря, ему не очень-то этого хотелось. Ему необходимо было избавиться от нее, но таким образом, разумеется, чтобы его совесть осталась чиста.

Мейдстон находится по пути в Лондон. Но, если бы он ехал один, то сделал бы остановку раньше, в своем доме, чтобы переодеться и пересест в дорожный экипаж, в котором можно поспать в дороге.

– Может быть, вас доставить куда-то поближе? – спросил он.

– Боюсь, что некуда.

– Мы можем ехать всю ночь, но так и не добраться до Мейдстона до утра, особенно вдвоем на одной лошади. Если вас не хватились до сих пор, то к тому времени уже точно хватятся.

– Да.

Ему хотелось хорошенько встряхнуть девушку, в его мозгу снова зашевелились мысли о брачных интригах. Но как могла эта молодая женщина разыграть ту сцену в «Крысе»? А что, если бы он прошел мимо и решил не спасать ее?

Однако теперь она знает, кто он, и может попытаться воспользоваться этим. Если они решат выдвигаться в путь ночью, то потом она сможет заявить, что ее скомпрометировали. Но он не мог бросить ее здесь, а поиск экипажа с сопровождающей служанкой отнимет слишком много времени. И выследить их в экипаже будет проще простого.

«Черт побери, как хочется есть». Сейчас он уже должен был мирно ужинать!

Из конюшни вышел мальчик, толкая тачку с грязным сеном. Торн позвал его:

– Беги в трактир, парень, и возьми мои сумки. И скажи Грину, что я рассчитаюсь позже. И еще принеси поесть и попить. Пирог и эль подойдут. И поторопись.

– Так точно, капитан! – Мальчик убежал.

– Вы на самом деле капитан? – спросило его бремя.

– Да.

– Капитан чего?

– Корабля под названием «Черный лебедь». А вы так и не представились...

Девушка колебалась так долго, что он понял – она собирается солгать.

– Персефона.

– Которую похитили и затащили в подземный мир? Вы не хотите разделить со мной ужин из страха оказаться со мной в ловушке на шесть месяцев в году?³

Ответом было грозное молчание.

Торн начал размышлял о том, что Персефона была похищена Аидом, владыкой подземного мира. Хотя в современной версии эта история звучит по-другому: Персефона, предположительно, была изнасилована темным властелином. Постигла ли эту девушку та же участь?

Он отмахнулся от этих мыслей. По всей видимости, ее злключения начались совсем недавно. Если бы ею гнусно воспользовались, то он бы это однозначно заметил по явным признакам.

– Немного благодарности было бы уместно, – заметил он.

– Я благодарна вам. И буду благодарна еще больше, если вы окажетесь честным человеком.

– Негодяй в таверне был прав. Вы не слишком-то любезны. Если эти люди не охотятся за вашими сладкими чарами, почему же они вас преследуют?

Она отвернулась, скрывая лицо за капюшоном.

– Я сбежала от них...

– Они удерживали вас против воли?

– Да.

– Но почему?

– У меня нет ответа на этот вопрос.

– Вы им что-то должны? Вы богатая наследница?

– Нет.

– И вы не сбежали из тюрьмы?

– Конечно, нет.

– Значит, они выкрали вас из вашего дома, и вы ни в чем не виноваты?

Ответом на это было решительное молчание.

«Черт, как утомительно!» Торн переключил свое внимание с девушки на желание поскорее доставить ее в Мейдстон и избавиться от этой ноши.

Ее преследовали – двое серьезных мужчин. Если бы эти люди пришли сюда, конюхи, вероятно, помогли бы ему в драке, но он предпочел бы полностью избежать насилия. Торн был здоровым, активным мужчиной, он участвовал в нескольких опасных предприятиях на море, но поединки были не для него. Так что, чем меньше происшествий, тем лучше. Особенно, если под угрозой репутация благовоспитанной молодой леди.

– Сколько вам лет? – спросил он.

– Сейчас я намного старше, чем несколько дней назад...

Интересный ответ, говорящий о поистине серьезной беде. Наконец, появился конюх, ведущий лошадь, и парень с едой. За ними следовал еще один мальчик, пошатывающийся под тяжестью седельных сумок. Помимо сменной одежды, в них лежали большие пистолеты и несколько книг.

Торн передал сумки, чтобы их погрузили на лошадь, а сам взял корзину с пирогами и кружку эля, дав обоим парням по пенни.

– И, если заявятся незнакомцы, – сказал он парням, – вы не знаете, что я делаю и где нахожусь.

– Так точно, капитан!

Он повернулся к девушке, все еще прикрывающейся капюшоном.

– Полагаю, я не смогу соблазнить вас пирогами?

– Нет, спасибо.

³ Согласно греческой мифологии, Персефона, жена Аида, осень и зиму живет в царстве смерти, а весну и лето – на Олимпе.

Он пожал плечами и откусил большой кусок мясного пирога, собираясь пойти дать указания конюху и передать ему монеты более крупного достоинства.

– Угостите меня элем? – вдруг тихо проговорила девушка.

Торн повернулся и увидел, что она идет следом. Он передал ей кружку. Девушка аккуратно отпила, очень по-женски, буквально несколько глотков.

– Вы собираетесь объяснить свою ситуацию? – спросил он.

– Нет, если смогу этого избежать.

– Вы считаете, что я не заслуживаю объяснений?

– Нет.

– Возможно, мне будет полезно это узнать, – процедил он, стиснув зубы, – чтобы я смог обеспечить вашу безопасность?

– Не понимаю, чем это вам поможет.

– Например, мне стоит быть в курсе, если эти люди знают о ваших планах поехать в Мейдстон?

Он надеялся, что подловил ее, но не тут-то было.

– Нет, – она ответила так быстро, будто уже обдумывала эту проблему. При всех своих недостатках девушка была умна.

Прежде чем Торн успел сказать что-то еще, он услышал шум и сразу же понял, что это шаги – хруст доносился с заднего двора трактира, где обычно никто не ходил.

Торн стоял спиной к дереву прямо у дверного проема и смотрел вглубь конюшни, которая была позади него. Он прислонился к дереву, молясь, чтобы конюхи поняли, что нужно делать.

– Есть кто?

– Сэр? – спросил конюх, хорошо изобразив удивление.

– Мне нужен капитан Роуз. Знаешь такого? – Это был голос джентльмена. Или показалось?

– Здесь все знают капитана Роуза, – произнес конюх.

– Он здесь?

– Я не вижу его здесь, сэр.

Торн усмехнулся. Все будет хорошо. Он посмотрел на свою «бедовую девицу», и ему стало не по себе. Ее капюшон сполз назад, и даже в тусклом свете было видно, что она смотрит прямо перед собой, напряженная от ужаса. Рассматривая ее профиль, Торн подумал, что если бы встретил ее в более благоприятных обстоятельствах, то мог бы обратить внимание на ее красоту.

– Я имею в виду в этой гостинице, – прорычал «джентльмен».

Опасный и, возможно, отчаявшийся человек. Торн пожалел, что у него нет при себе одного из больших пистолетов, которые остались сумках.

– Капитан всегда останавливается в «Компасе», сэр, – сказал конюх. – Но сейчас он, скорее всего, на своем корабле, сэр.

– На каком именно?

– На «Черном лебеде», сэр. Скорее всего, стоит на якоре.

– Так вы не видели его в течение последнего часа?

Торн напрягся, гадая, солжет ли конюх.

– Нет, сэр.

Конюх явно рассчитывал получить гиней за свою ложь, и он ее непременно получит.

– Чья лошадь? – внезапно заметил преследователь.

– Полковника Трускотта, сэр, хотя это не ваше дело. Мне лучше отвести ее, пока полковника нет, а то его лошадь нервничает.

Застучали копыта, и Торн понял, что конюх уводит лошадь.

Мужчина снова заговорил, предположительно со своим спутником.

– Иди внутрь и разузнай о Роузе. И об этом Трускотте. Жаль заставлять лошадь ждать. «Проклятье». Он понял, что ему солгали.

Торн вынул нож и рискнул прикоснуться к девушке. Она вздрогнула, но, к счастью, не издала ни звука. Беглянка повернула к нему голову, посмотрев широко открытыми от страха глазами. Он показал ей нож, а затем вложил рукоять ей в руку. Кто знает, сможет ли она им воспользоваться, но это хоть что-то.

Торн достал свой маленький пистолет, но пока не стал взводить курок. Шум выдал бы его. Им нужно было бы пройти подальше, вглубь конюшни, там можно было спрятаться. Но сейчас уже поздно было это делать.

Поразмыслив немного, Торн понял, что на улице остался только один человек.

Возможно, он сможет подобраться ближе и убить его.

Нет, не сможет... Он не так хладнокровен и совсем не уверен, что этот человек злодей. Торн даже сомневался, что смог бы выстрелить, начни «джентльмен» угрожать ему пистолетом.

Будь он проклят за нерешительность...

Но тут подошел человек в накидке.

Он посмотрел вперед, а затем в сторону, давая Торну секунду на подготовку. Когда их взгляды встретились, Торн уже держал пистолет направленным в голову преследователя.

– Лечь на пол, – сказал Торн, указывая направление пистолетом. – Лицом вниз.

Мужчина был крепкого телосложения, возраст – около сорока лет. Фонарь, висевший у двери, хорошо освещал твердо зажатый рот и тяжелую челюсть. Спустя мгновение человек подчинился.

Но что теперь? Второй «джентльмен» скоро вернется, и нужно придумать, как помешать мужчинам последовать за беглянкой. Тогда Персефона схватила кожаный ремень, перекинутый через стойло.

– Быстро руки за спину! – приказала она.

– Это тебе не поможет, – прорычал мужчина, но закашлялся, вероятно, подавившись соломой.

– Делай, что велено, иначе я воткну в тебя этот нож!

Торну ее тон показался более чем убедительным, вероятно, и мужчине тоже. Он сложил за спиной запястья, и она связала их. Узел получился не очень крепким, надолго он его не задержит.

– Кокси, ты где? – гнусавый голос означал, что вернулся второй мужчина. – Куда делся мой друг?

– Я не видел, сэр, – сказал конюх. – Был занят, выгуливая лошадь.

– Здесь! – закричал связанный человек на полу. – Но будь осторожен!

– Ты сам обеспечил приятелю место рядом с собой, – сказал Торн, борясь со смехом из-за абсурдности происходящего. Второй мужчина, не успев войти, тоже встретился с его пистолетом. Этот был моложе и довольно красив, но выражение его лица было ужасно злобным.

– Присоединяйся к своему другу.

Гневно рыча, мужчина повиновался.

– Делай свое дело, детка! – беззаботно сказал капитан Роуз.

Бросив на него ледяной взгляд, она сказала:

– Может быть, отдадите мне пистолет? Уверена, капитан корабля сможет завязать более надежные узлы.

– Вы правы.

Он осторожно вложил пистолет в ее руку, в надежде, что девушка не будет без надобности нажимать на курок – например, пожалеет невинных лошадей.

Торн нашел кусок тонкой веревки и принялся связывать злодея номер два. Затем он связал и Кокси, делая это с большим усердием, в надежде, что девушка оценит его умение завязывать узлы.

Наконец он поднялся и повернулся к ней, чтобы получить одобрение.

Но девушка исчезла.

Ее схватил третий злодей?

Вдруг он услышал звук копыт.

Тон выбежал на улицу, но увидел лишь хвост своей лошади, с огромной скоростью исчезающей в переулке. Торн грязно выругался.

– Какого дьявола ты позволил ей взять мою лошадь? – потребовал он ответа у конюха.

– Она уверяла, что вы отправили ее за помощью, капитан. Это показалось мне достаточно убедительным, прошу прощения, – замешкался мужчина.

– Приведи мне любую другую лошадь!

Конюх работал быстро, и не прошло и пяти минут, как Торн уже забирался в седло.

– А как же те люди, капитан? – обеспокоенно спросил конюх, кивнув в сторону конюшни.

– Развяжи их через несколько минут, но не отдавай лошадей. Если они доставят тебе неприятности, скажи всем, что эти злодеи пытались похитить сестру дворянина и заслуживают виселицы.

Возможно, так оно и было.

– И передай этим проходимцам: если капитан Роуз узнает, что они снова беспокоили леди, то им конец.

Связанные мужчины прекрасно слышали его слова. Беглянка не заслуживала защиты, но Торн не мог поступить иначе.

Он решил гнать лошадь по центральной лондонской дороге, хотя и не надеялся, что хитрая беглянка выберет прямой путь. Скорее всего, у нее и в мыслях не было ехать в Мейдстон. Он расспросит прохожих: женщина на лошади ночью – явление достаточно редкое.

Однако большинство горожан, праздновавших скорое восхождение на престол нового короля, были уже в постели. Поэтому по дороге он встретил всего двух людей, ни один из которых не видел девушку. Торн подозревал, что это неспроста. «Проклятье, ей это с рук не сойдет». Она просто так от него не отделается, и как она рассчитывает выжить ночью одна на украденной лошади?

Решив, что больше откладывать нельзя, Торн повернул свою лошадь в сторону замка Айторн – раздраженный, обеспокоенный, но в то же время восхищенный. Эта решительная девушка заинтриговала его, и он хотел узнать о ней все.

Но король мертв... И да здравствует король!

Торну необходимо было быть в Лондоне, чтобы воспользоваться этим моментом.

Новый король был молод и нерешителен, и все придворные боролись за влияние на него. Некоторые уже обладали преимуществом. Например, маркиз Ротгар годами занимался развитием молодого человека, играя роль уважаемого наставника, а не опекуна или воспитателя. Темный маркиз имел репутацию всеведущего. Он словно знал, что этот день наступит неожиданно скоро.

Но он и ему подобные не должны иметь большого влияния.

Необходимо гладко выбрить лицо, надеть модную элегантную одежду и на всей скорости мчаться в Лондон.

Герцог Айторн многих превосходит по могуществу и положению в обществе. Поэтому сейчас он должен быть при дворе, чтобы воспользоваться своими преимуществами в этот решающий момент.

Глава 3

*Карскорт, Оксфордшир
Апрель 1764 года*

– Там экипаж, Белла! Интересно, кто это приехал?

Лусинда не надеялась на ответ, и Белла Барстоу проигнорировала вопрос сестры. Да и не ждали они никаких посетителей. Кающаяся грешница, запертая в Карскорте, не могла рассчитывать на что-то, кроме дрянной постели и самой скудной еды. Но тем не менее, от скуки даже самое незначительное событие может заиграть интересными красками. Не отрываясь от вышивания фиалки в уголке платка, Белла прислушивалась к доносящимся звукам и размышляла, кто же это мог пожаловать.

Может быть, сосед? Но вряд ли Лусинда, выглядывая в окно, не смогла бы узнать соседский экипаж.

Приглашенный гость? Однако она не замечала никаких приготовлений. Да и гости здесь – редкость, поскольку единственными обитателями дома были Лусинда и их брат, сэр Огастус. Лусинда глупа и сварлива, а Огастус – ханжа, да и дома он бывал редко, в основном разъезжал по разным делам.

А Белла была белой вороной в семье. И если бы сейчас все еще можно было запираť людей в клетках, то с ней бы ровно так и поступили. Она была заточена в Карскорте, потому что не имела ни гроша за душой. Белла даже подумывала о краже, чтобы оплатить свой побег, думала об этом много раз, но была уверена, что ее отец, а теперь еще и Огастус, с удовольствием отправят ее за такое под суд или в ссылку, а то и на виселицу.

Белла закусилa губу, чтобы не расплакаться. Она не хотела, чтобы отец любил ее, но до самой его смерти надеялась на справедливость и милосердие.

Что касается брата, то ей было совершенно безразлично, любит ли он ее, испытывает ли хоть какую-то симпатию. Огастус ей не нравился, и так было всю жизнь. Но его холодность была близка к ненависти, и она не знала по какой причине. Белла могла лишь предполагать. Возможно, он считает, что ее позор бросает тень на его безупречную репутацию.

Он, как и все остальные, считает, что четыре года назад Белла сбежала с мужчиной, а затем была вынуждена вернуться обратно домой, обесчещенная, когда негодяй ее бросил. И Белла еще более усугубила свое положение, отказавшись от поспешно найденного для нее мужа.

Это могло быть поводом для гнева и отвращения, особенно для человека, который так дорожит добродетелью и благопристойностью.

Но ненависть?

Четыре года назад она думала, что заточение – это временное наказание, что даже если семья не считает ее достойной нормальной жизни, они в какой-то момент устанут быть ее тюремщиками. Но вместо этого условия ее существования становились все более суровыми.

Лишив ее собственных денег, отец также запретил ей заказывать что-либо без разрешения. Все ждали, что она начнет выпрашивать новые платья и деньги на прически, туфли или перчатки. До тех мрачных событий с похищением она обожала красивую одежду и одевалась всегда по последней моде, поэтому все ждали, что она будет унижаться. Но какая-то внутренняя сила, которой не было в ней до того, как ее опозорили, вырвалась на свободу и требовала, чтобы она никогда ничего не просила.

Белла научилась латать свою одежду и делать вид, что довольна результатом. Что касается обуви и перчаток, то, поскольку она редко куда-то ходила, в них не было особой необходимости.

Через некоторое время, благодаря всё той же внутренней силе, она решила, что если теперь ей приходится самой ремонтировать свою одежду, то она научится делать это хорошо. От легкой починки она перешла к полноценному ремонту, а затем к моделированию одежды с помощью игольного кружева и вышивки. Вместо того, чтобы просить милостыню, она занималась собирательством. На чердаках Карскорта хранились столетние залежи не только потускневшей мебели, но и выброшенной одежды, которая давно вышла из моды. Она разбирала материал и распутывала нитки, часто находя еще и бисер, тесьму, кружева.

Белла очень умело скрывала свою изобретательность и растущее удовольствие от поиска сокровищ, поэтому семья ни о чем не догадывалась. Они были уверены, что красивая и легкомысленная Белла Барстоу, самая главная кокетка в Оксфордшире, никогда бы не стала заниматься столь неинтересными и утомительными делами.

Но Огастус каким-то образом все же догадался. Когда он стал главой семьи, сразу же очистил дом от большей части того, что он называл «хламом», а остальное запер на замок. Поэтому за последний год Белла стала поистине несчастной, и это обстоятельство полностью удовлетворяло извращенную душу Огастуса.

– Я слышу чьи-то голоса, – объявила Лусинда, бросаясь к зеркалу, чтобы проверить, как сидит ее чепец. – Огастус кого-то привел сюда!

Похоже, сестра предполагала, что гость может стать ее поклонником. В свои двадцать шесть лет Лусинда уже не надеялась выйти замуж, но сейчас ее глаза заблестели, а кожа лица зарумянилась.

Белла искренне желала, чтобы Лусинда обзавелась семьей. Ведь это могло изменить и ее собственную ситуацию – никто бы не оставил Беллу здесь одну. Конечно, за этим могли последовать неизвестные и опасные события, но даже врата в ад сейчас казались для девушки более соблазнительными, так как могли вывести ее из Карскорта.

Дверь открылась, и Огастус пригласил войти полного джентльмена в плаще, а затем быстро закрыл за ним дверь. На дворе стоял апрель, и в доме было все еще прохладно, если не считать нескольких комнат, в которых разводили огонь.

Спальня Беллы, конечно же, не была одной из теплых. После того, как Огастус взял бразды правления в свои руки, в комнате Беллы не разводили огонь даже в глубокую зиму. Она даже подумывала начать жечь мебель.

Генри, главный лакей, вошел следом. Он помог гостю размотать длинный толстый шарф и снять плащ, открыв взорам присутствующих добродушного седовласого джентльмена с капелькой на кончике носа. Пока Генри уносил вещи, гость достал носовой платок и высморкался.

Лусинда взволнованно поднялась, но Белла все еще сидела.

– Встань, Изабелла! – приказал Огастус.

Человек с репутацией святого должен быть худым, но Огастус, хотя и не был толстым, всегда был слегка полноватым. Когда брат выражал неодобрение, его маленький рот так плотно сжимался, что напоминал прорезь туго затянутого кошелька.

Когда Белла встала, Огастус добавил:

– Прошу прощения, мистер Клаттерфорд, но, как видите, она не совсем такая, как нам хотелось бы.

Белла изо всех сил старалась сохранить спокойное выражение лица, оценивая опасность, неожиданно замаячившую на горизонте. Был ли этот Клаттерфорд врачом, пришедшим уколоть ее и пустить кровь? Подобное уже случалось четыре года назад, когда она отказалась скрыть свой позор и выйти замуж за сквайра Тороугуда. Но ей тогда повезло – доктор Саймонс был местным жителем и согласился лишь «восстановить ее здоровье», но не признавать сумасшедшей. А ведь была такая угроза, когда семья пыталась заставить ее вступить в тот ужасный брак.

Она была в ярости и возмущена тем, что ее обвиняют в потере невинности, и все еще надеялась на хорошее будущее, а поэтому наотрез отказывалась. С годами она часто думала, что даже брак с грубым человеком с дурной репутацией был бы предпочтительнее этого бесконечного небытия. В конце концов, муж может умереть.

Доброжелательно смотревший на нее посетитель вызывал доверие. Но не опрометчиво ли она так думает?

Может ли бы такое, что Клаттерфорд – владелец заведения для умалишенных?

– Я думаю, что мисс Изабелла Барстоу просто была поглощена своим рукоделием, – сказал он, подойдя, чтобы посмотреть на платок, который она все еще держала в руках. – Очень красиво. Ваша прабабушка показывала мне несколько работ, которые вы посылали ей в подарок.

– Вы знали леди Рэддолл? – Эта пожилая леди была единственным другом Беллы в целом мире. Поскольку Белла была заточена в Карскорте, а леди Рэддолл – в Танбридж-Уэллсе – она была слишком стара для путешествий, – то они не виделись после скандала. Но леди Рэддолл сразу начала присылать ей письма с поддержкой и продолжала делать это довольно часто. А когда узнала, что отец Беллы вскрывает и читает всю ее корреспонденцию, то выразила такое резкое возражение, что даже он вздрогнул.

Взлом печати на письмах леди Рэддолл было одним из немногих удовольствий Беллы, которое теперь, к сожалению, было ей более недоступно.

– Я очень горевала, узнав о ее смерти, – сказала Белла.

– Ей было сто лет! – запротестовал брат.

– Это не повод не скорбеть, – ответила Белла. Затем, повернувшись к мистеру Клаттерфорду, добавила: – Надеюсь, она не мучалась.

– Только от опасения, что не доживет до своего сорокового дня рождения, мисс Изабелла. Как только это произошло, она мирно ушла, улыбаясь. – Его глаза задорно сверкнули. – Она распорядилась выгравировать «100 лет» на своем надгробии. На случай, сказала она, если кто-то из прохожих не сможет правильно сосчитать.

Белла не смогла удержаться и хихикнула. Звук, который она издала, напоминал вскрытие запечатанной коробки.

– Это похоже на нее. Ее ум оставался молодым.

Лусинда закашлялась, вернув Беллу к реальности. Она все еще в Карскорте. Все еще кающаяся грешница. За мгновение удовольствия придется заплатить.

Огастус холодно произнес формальные слова, добавив:

– Мистер Клаттерфорд проделал долгий путь из Танбридж-Уэллса по делам, связанным со смертью нашей прабабушки. Завещание? – спросил он, жестом приглашая гостя присесть на стул и усаживаясь сам.

«Ах, все ясно», – подумала Белла, снова присаживаясь. Это могло заинтересовать ее брата. По какой-то причине в доме никогда не было достаточно денег.

– Я удивлялся, почему мы ничего не слышали о завещании раньше, – сказал Огастус, – хотя, по всей видимости, все перешло к ее внуку, нынешнему лорду Рэддоллу.

Клаттерфорд устроился в кресле у камина, потирая руки от тепла.

– Лорд Рэддолл больше не обязан выплачивать часть наследства вдове, сэр, и это большое подспорье. Большая щедрость со стороны мужа леди Рэддолл, между ними была такая великая любовь, знаете ли, но и он не мог предполагать, что его придется выплачивать так долго. Она была вдовой сорок лет. Поразительно.

– И значительное бремя для поместья, – с сочувствием сказал Огастус.

Брат без стеснения возмущался, что каждый квартал ему приходилось выплачивать большие суммы их матери, которая никак не хотела умирать. Она уехала на побережье, вместо того чтобы оставаться в Карскорте, где можно было бы удерживать значительную часть выплат,

чтобы покрывать ее содержание. Белла не винила свою мать за то, что та сбежала из Карскорта при первой же возможности, хотя и жалела, что не попыталась спастись вместе с ней. Леди Барстоу, конечно, тоже считала Беллу нераскаявшейся грешницей и лгуньей и, по правде говоря, никогда не была ласковой матерью ни одному из своих детей.

Клаттерфорд повернулся лицом к Огастусу.

– Завещание содержало ряд распоряжений по отношению к верным слугам и друзьям, сэр, и благотворительному учреждению для престарелых дам в Танбридж-Уэллсе. Остальная же часть отходит ее правнучке, – он повернулся не к Лусинде, а к Белле, – Изабелле Кларе Барстоу.

– Как?! – заглушив восклик Беллы, Огастус и Лусинда одновременно вскрикнули.

– Это невозможно, – огрызнулся Огастус. – Я этого не допущу.

– Глубокоуважаемый сэр, вы не имеете права запрещать это или каким-либо образом распоряжаться данным наследством. Мисс Изабелла уже достигла своего совершеннолетия.

День рождения Беллы был две недели назад, но, не имея ни денег, ни какого-либо убежища в мире, она и представить не могла, как много это будет значить для нее в скорости.

Поведение мистера Клаттерфорда было спокойным, но Белла уловила задорный блеск в его глазах. Он был абсолютно доволен собой, и она внезапно почувствовала то же самое, однако старалась не подавать виду. Огастус выглядел так, словно сейчас задохнется. Белла не могла поверить в возможность свободы, и если ничего не получится – последствия будут ужасными.

– Огастус! – вскрикнула Лусинда и вскочила с кресла, забыв про свое рукоделие, и вышивку свалилась с ее колен на ковер. – Этого не может быть. Я не допущу... У этой... этой... блудницы не должно быть большого приданого, когда у меня недостаточно денег, чтобы найти себе мужа!

– Твоего приданого хватило бы, если бы у тебя была красивая внешность и сносный характер, – огрызнулся Огастус, затем повернулся к адвокату. – Я буду оспаривать завещание!

– Это бесполезно, сэр. – Клаттерфорд, в отличие от Огастуса, поднялся со своего кресла из вежливости, когда Лусинда вскочила. – Более того, на этот счет леди Рэддолл оставила подробные инструкции, которым я, как распорядитель наследством, обязан следовать. Если мисс Изабелла не возражает, то она должна покинуть Карскорт вместе со мной в течение ближайшего часа.

Жуткую тишину нарушила открывшаяся дверь – это был Генри, вернувшийся с подносом чая.

– Пошел вон! – огрызнулся Огастус.

Генри, широко раскрыв глаза, тут же вышел из комнаты.

Небольшая передышка позволила Белле все обдумать, но ее мозг все еще не воспринимал информацию и не мог разобраться в произошедшем. Она боялась верить.

Огастус поднялся со своего кресла и подошел к Белле:

– Попробуешь уйти с этим человеком, и ноги твоей больше не будет в этом доме!

Эта угроза произвела обратный эффект. Белла тут же вскочила, думая: «Это именно то, о чем я мечтаю!»

– Я думала, Изабелла, что ты уже успела понять, как глупо сбегать с незнакомыми мужчинами. Клаттерфорд... Кто это вообще? – съязвила Лусинда.

В своем желании уколоть побольнее Лусинда не добилась успеха: ее слова абсолютно никак не подействовали на Беллу. Неоднократно упоминая о мистере Клаттерфорде, ее прабабушка писала, какой он прекрасный адвокат, как хорошо ведет ее дела, какой он надежный и добрый. Рассказывала о его очаровательной семье и о его пяти внуках. Пыталась ли прабабушка таким образом подготовить Беллу к этому моменту?

Почему же она не сказала ей все прямо?

Естественно, предугадать свою кончину леди Рэддолл не могла, и, возможно, не была уверена в том, что ее письма Белле доходят в целости и сохранности. Она могла опасаться, что Огастус найдет способ сорвать ее план.

Однако Белла все еще была начеку. Если Огастус изгонит ее и окончательно отречется, то больше никогда не примет назад. И если намеченный план провалится, то ей негде будет больше укрыться.

– Видите, – усмехнулся Огастус, – она совсем не понимает, что происходит, просто выжила из ума. Я не допущу, чтобы она покинула этот дом.

Белла быстро пришла в себя и сделала то, что должно.

– Видимо, я и правда не в своем уме, раз так быстро приняла столь серьезное решение, брат, но я его приняла и собираюсь уйти. Я возьму с собой только то, что мне необходимо.

Подхватив свою вышивку, она направилась к двери – от переживаний сводило живот, и она приготовилась к тому, что Огастус попытается ее схватить и не дать уйти. Он это и сделал – двинулся в ее сторону, протягивая руку, больше похожую на клешню. Несколько лет назад в Лондоне на него напали и ранили. Это было прискорбно, но по какой-то причине он был уверен, что это тоже вина Беллы.

Она нашла в себе мужество и посмотрела ему прямо в глаза – это был вызов. Даже если все это обернется катастрофой, этот момент того стоил. Он уставился на нее, его одутловатое лицо так покраснело, что казалось, будто вот-вот взорвется.

Белла обошла Огастуса и поторопилась к двери. Но едва закрыв ее за собой, она прислонилась к стене, дрожа, словно от холода. Она слышала, как Огастус и Лусинда кричали на Клаттерфорда. Их ярость доказывала, что все это происходило на самом деле. Двери ее тюрьмы были открыты, и даже если они вели в ад, то она пройдет через них.

Белла помчалась по коридору к своей спальне, но потом остановилась и свернула на лестницу для слуг, ведущую на кухню. Она прервала возбужденный разговор, тему которого и так знала.

Все слуги уставились на нее, широко раскрыв глаза и насторожившись. Белла поняла, что они боятся: ее просьбы могли навлечь на них неприятности. Они всегда находились в неловком положении: Белла была полноправным членом семьи, но при этом лишена почти всех удобств. Большинство из слуг трудились здесь еще до скандала, и им было сложно изменить привычную манеру поведения.

– Я покидаю Карскорт, – сказала она им. – Немедленно. Мне нужно несколько саквояжей или небольшой сундук. Раньше у меня было несколько...

– Надеюсь, вы отправитесь в лучшее место, мисс Белла, – сказала экономка после долгой паузы.

Белла поняла, что люди волнуются за нее, и смахнула накатившие слезы.

– Мне оставили в наследство немного денег... – Пытаясь прикинуть в голове точную сумму, она так и не смогла этого сделать. – Мне придется уехать как можно скорее.

Все слуги с тревогой посмотрели на Беллу, затем Генри сказал:

– Я принесу ваш саквояж в вашу комнату, мисс.

Служанка Лусинды прикусила губу, но так и не предложила помощи. Только Джейн, горничная, гордо вскинув голову, сказала:

– Можете рассчитывать и на мою помощь, мисс.

Вернувшись в свою комнату, Белла вытащила все вещи из платяного шкафа и комода. Ее пожитки были невинных размеров, но достаточно большими, чтобы не влезть в маленький саквояж, и вряд ли они вообще стоили того, чтобы за них переживать. Белла надеялась, что вскоре все эти обноски (которые, впрочем, стоили ей немалых трудов) будут больше не нужны, и она купит себе новую модную одежду.

Насколько большим было ее наследство? Поскольку леди Рэддолл предполагала, что Белла покинет Карскорт, по всей видимости, этого должно хватить хотя бы на еду. И все же, какое? А новые корсеты, шелковые чулки, ленты, парфюмированное мыло?..

Пока они с Джейн упаковывали все ее нижнее белье и два из четырех переделанных платьев, Белла грезилась о магазинах.

Последними в саквояже оказались толстые пачки писем от прабабушки, включая «приложения».

Когда леди Рэддолл узнала, что Белла получает ее письма распечатанными, она стала иногда вкладывать в них еще «приложения» – письма от некоей леди Фаулер, которая утверждала, что пытается реформировать аристократическое общество, раскрывая его грехи.

Не могу представить, чем эта сумасшедшая женщина пытается помочь, распространяя истории о проступках в высшем свете, – писала леди Рэддолл. – Но ее письма очень забавны, особенно для тех из нас, кто не может лично посетить Таун. Хотя, к сожалению, сегодняшние негодяи редко идут в сравнение с теми, что были в годы моей юности, но некоторые из них подают надежды. Маркиз Эшарт – весьма хорош собой, он время от времени приезжает в Уэллс, чтобы навестить своих двоюродных бабушек. Граф Хантерсдаун – очаровательный плут. Рассказы о подобных мужчинах – еще одна причина почитать эти письма, моя дорогая. Когда-нибудь ты освободишься из своей клетки, но это злой мир, и некоторые его пороки явятся тебе в красивой упаковке. Я бы не хотела, чтобы ты снова попала в ловушку.

По правде говоря, Белла вовсе не сбегала с красавцем Саймоном Нейскортом, но она согласилась на свидание с ним, и это ее погубило.

Поначалу письма леди Фаулер скорее шокировали Беллу, нежели забавляли. Девушка считала себя умудренной опытом, но думать так в семнадцать лет было глупостью. Белла, конечно, не знала о некоторых пороках, описываемых леди Фаулер, и считала крайне неправильным то, что такое могло происходить в обществе пэров и членов парламента. Не говоря уже о том, что и высшее духовенство таким не гнушалось.

Гневно осуждая всеобщую несправедливость, леди Фаулер также писала, что по закону у женщин очень мало прав, в отличие от мужчин, которым предоставляется полное господство над ними. В этом Белла ощущала духовную близость с автором писем. Она поняла, что теперь, по всей видимости, сможет пожертвовать небольшую сумму в фонд леди Фаулер, занимающийся улучшением морального облика лондонского света.

Поблагодарив дорогую прабабушку, Белла поцеловала последнюю пачку писем леди Рэддолл и положила к остальным упакованным вещам.

– Вот и все, – сказала она, поднимаясь, чтобы запереть собранный саквояж.

Взглянув на часы, Белла поняла, что прошло уже более получаса. Девушка испугалась, что за это время ее брату и сестре удалось отговорить мистера Клаттерфорда от намеченного плана. Надев шляпу поверх своего простого чепца, она закрепила ее длинной булавкой, схватила тонкий плащ и заштопанные перчатки и поспешила обратно в маленькую гостиную.

Спустившись, Белла обнаружила мистера Клаттерфорда в одиночестве, наслаждавшегося чаем с булочками. Заметив ее, он сказал:

– О, вы готовы? Отлично. – Затем поднялся, вытирая салфеткой масло с губ. – У сэра Огастуса и вашей сестры возникли неотложные дела, но я думаю, мы сможем обойтись без прощаний, правда?

– Вполне обойдемся, – ответила Белла, пытаясь успокоиться от волнения. Не веря в происходящее, она проговорила: – Неужели это правда?

– Вы про наследство? Да, конечно, моя дорогая.

Ее сердце без умолку колотилось.

– Сколько денег мне оставила прабабушка?

– Вопрос о наследстве все еще решается, но сумма колеблется в пределах пятнадцати тысяч фунтов. Ваша семья была очень поражена этим, и им пришлось, пошатываясь, уйти, чтобы прийти в себя.

Белле так хотелось рассмеяться, но она понимала, что не сможет даже улыбнуться, пока не окажется на улице, за пределами поместья Карскорт.

Когда дверь распахнулась, она с тревогой обернулась, а затем облегченно закрыла глаза.

– А вот и Генри с вашим плащом, мистер Клаттерфорд. Пойдемте же!

Мистер Клаттерфорд накинул свой плащ, и, когда они выходили, Генри подмигнул Белле. Она слегка улыбнулась в ответ и прошептала:

– Спасибо, Генри. Если у вас или Джейн будут какие-то проблемы после моего отъезда, свяжитесь с мистером Клаттерфордом в Танбридж-Уэллсе. Мы обязательно вам поможем.

Белла и ее сопровождающий вышли на улицу и поспешили вниз по лестнице. Генри и конюх погрузили саквояж Беллы в карету, и девушка забралась в нее.

Сидя уже внутри, она крепко зажмурилась в страхе, что Огастус придумает, как ее остановить. Белла не понимала, почему брат так яростно стремится продолжить это издевательство над ней, начатое еще их отцом. Также ей не хотелось наблюдать за припадком Лусинды, который определенно мог случиться.

Мистер Клаттерфорд забрался в карету, и они поехали. Белла наблюдала за входной дверью, пока не потеряла ее из виду. Та оставалась плотно закрытой, и это беспокоило девушку. Белла предпочла бы увидеть Огастуса, трясущего ей вслед кулаком, а это неведение ее пугало.

Наконец дверь скрылась из виду, и теперь Белла смотрела только вперед, пытаясь осмыслить произошедшее.

– Моей благодарности нет предела, мистер Клаттерфорд.

– Нет нужды, нет нужды. Я прошу прощения, что не смог появиться здесь в ваш день рождения, как того желала леди Рэддолл, но у нас были сильные дожди. Они размыли все дороги, и я счел поездку в таких обстоятельствах неразумным занятием.

– Да, расстояние достаточно большое, сэр.

– Не слишком большое, когда дороги сухие. Но плохая, не по сезону, погода мало способствует быстрому движению. Мне кажется, в Карскорте нам не пополнили запасы горячих кирпичей. Мы проверим это, как только отъедем подальше от поместья.

Белла привыкла к прохладе, но теплые кирпичи сейчас были бы очень кстати. А теплый плащ – еще больше. Когда-то у нее был такой. Может быть, будет снова?

Красивая одежда и обувь, собрания и балы, внимательные кавалеры... Последние четыре года прошли мимо нее...

Карскорт не был окружен забором, но границы поместья обозначались столбами. Белла смотрела, как эти столбы, один за другим, пролетают мимо. Чувствовала приближение долгожданной свободы, но все же понимала, что все еще находится на территории Огастуса.

Вскоре они выехали на улицу, проложенную через деревню Карс-Грин. Еще вчера, добравшись сюда, Белла почувствовала бы свободу, но сейчас она будто была в западне. Что, если сейчас ее потащат обратно? Она знала, что это сломает ее. Взглянув на мистера Клаттерфорда, девушка размышляла, не является ли все это частью какого-то хитроумного спектакля.

Крик заставил ее застыть в ужасе.

Карета остановилась. Белла поняла, что сбежать она не сможет...

Глава 4

Конюх открыл дверь экипажа и сказал:

– Какая-то женщина, мисс, она хочет поговорить с вами.

Сердце Беллы все еще неистово колотилось, она выглянула на улицу и увидела полную деревенскую женщину в платке, а в руках она сжимала вещи.

– Я миссис Гуссидж, мисс Белла, – проговорила она. – Раньше меня звали Пег Оукс, а потом я вышла замуж за Гуссиджа, помощника лесничего. Я работала горничной в школе, когда вы были совсем маленькой.

Белла помнила ее, но все еще была в недоумении от происходящего. То, что она держит в руках – это подарок?

– Да, конечно. Что я могу сделать для вас, миссис Гуссидж?

Искаженное лицо женщины выражало нечто среднее между улыбкой и гримасой, а затем она проговорила:

– Вы позволите сопровождать вас, мисс Белла? Неправильно, что вы уезжаете с мужчиной одна... После всего... – Женщина помрачнела. – Не то, чтобы я верила сплетням... У меня никого не осталось здесь, Билла больше нет, понимаете. Бог не наградил меня детьми, я поздно вышла замуж. Я бы хотела увидеть мир...

Белла была в замешательстве и посмотрела на мистера Клаттерфорда в поисках подсказки.

– На ваше усмотрение, мисс Белла, но в общем-то это отличная идея, – сказал он. – Мы, конечно, не хотим, чтобы про вас пошли дурные сплетни.

Белла прекрасно могла себе это представить: Огастус преподнесет весть об ее отъезде в негативных красках и будет использовать эту ситуацию против нее. Она помнила Пег Оукс как добрую, веселую и энергичную женщину.

– Тогда присаживайтесь, миссис Гуссидж. Мы разберемся с вашим багажом позже. И спасибо вам за помощь.

Женщина выдавила из себя улыбку, поднялась по ступенькам, протиснулась в дверь кареты и рухнула на противоположное сидение.

– Что касается багажа, за него можете не переживать, мисс. – Пег все еще переводила дыхание. – Я решила надеть большую часть одежды на себя, поэтому и кажусь такой объемной.

Мистер Клаттерфорд приказал конюху ехать дальше, и экипаж двинулся, к счастью, быстро набирая скорость.

– Вы уверены в своем решении, миссис Гуссидж? – спросила Белла.

– Зовите меня Пег, мисс, и да, я уверена. Возможно, я не благородная леди и никогда не бывала дальше пяти миль от Карс-Грин, но я владею некоторыми простыми навыками, которые вам обязательно будут полезны.

– Кто вам рассказал о моем отъезде?

– Вся деревня уже об этом говорит, мисс. Бабс, горничная, прибежала и сообщила новости. Как только я услышала, то подумала, что это неправильно. Вы не должны уезжать одна с незнакомым мужчиной. – Она посмотрела на Клаттерфорда.

Он улыбнулся Пег.

– Вы абсолютно правы, мадам. Но учтите, что путь неблизкий – поездка в Танбридж-Уэллс займет два дня.

Пег Гуссидж выглядела как человек, бездумно вошедший в логово льва, но она ответила:

– Я понимаю, сэр. Сейчас мне нечем заполнить свои дни, поэтому увидеть свет перед смертью – это как раз то, что мне нужно.

– Очень хорошо. И если вы когда-нибудь решите вернуться домой, я или мисс Барстоу, конечно, поможем вам в этом. А пока, если вы согласны быть компаньонкой-служанкой мисс Барстоу, мы должны обговорить вопросы о ваших обязанностях и оплате.

Слова Клаттерфорда заставили Пег задуматься, но она энергично закивала.

Белла поняла, что может наконец-то по-настоящему улыбнуться. Она была благодарна Пег за то, что та вызвалась сопровождать ее, но особенно Белла радовалась, что смогла сделать кого-то таким счастливым.

Большого опыта в финансовых делах у Беллы не имелось. Достигнув семнадцатилетнего возраста, отец стал выделять ей карманные деньги, но все счета за платья и тому подобное приходили прямо к нему. Потом какое-то время она вообще не видела денег... Однако Белла была уверена, что на доход от пятнадцати тысяч фунтов вполне можно безбедно жить.

Они останавливались в трактире, чтобы загрузить горячие кирпичи, а потом еще раз, чтобы сменить лошадей, но разговаривали при этом мало. У Беллы была куча вопросов, но ее воспитание не позволяло говорить о деньгах и подобных вещах в присутствии слуг. Пока ей было достаточно того, что они просто едут все дальше и дальше от Карскорта.

Но в какой-то момент мысли о будущем стали одолевать ее все сильнее.

Она на самом деле хотела поехать в Танбридж-Уэллс?

Раньше ответ был бы положительным, ведь там ее ждала прабабушка, но теперь Белла сомневалась. Это модное место пугало ее. Белла Барстоу, возможно, и освободилась из тюрьмы, но она все еще ощущала себя в ловушке своей репутации. Вдруг ее будут сторониться?

Когда она наотрез отказалась выйти замуж за сквайра Тороугуда, отец перестал хранить ее тайну. Никто не верил ее заверениям о невинности, и она понимала причины – ведь ее история звучала абсолютно неубедительно.

Да, она признавала, что завела любовную интрижку с мужчиной, простым проезжим, которого встретила однажды на приеме. Это было легкомысленно, но в семнадцать лет она была глупой и уверенной в своей безопасности.

Но поехала с ним в экипаже Белла вовсе не по доброй воле. Применив физическую силу, похитители отвезли ее в низкопробную таверну, где два дня держали взаперти. Саймон Нейсскорт – скорее всего, это было не его настоящее имя, – и сообщник, который казался главным, сказали ей, что ее держат ради денег. Обещали, что не причинят ей никакого вреда, но если она попытается кричать, то свяжут и заткнут рот кляпом.

Белла очень боялась, но была уверена, что отец заплатит за нее нужную сумму, и вскоре она снова будет дома. Отец был бы в ярости и, возможно, заточил бы ее в доме на несколько недель за этот побег, но он часто сердился на нее за взбалмошность и глупость. Сидя в этом грязном притоне, она думала, что он, возможно, прав.

Никто не поверил ее рассказу, потому что отцу никто не присылал требование о выкупе. Вместо этого он получил письмо от Саймона, в котором тот написал, что они с Беллой влюблены и бегут в Шотландию, чтобы пожениться.

Белла до сих пор не понимала, как такое могло случиться. Ведь ее похитителям не терпелось получить выкуп, и они были так расстроены отсутствием ответа. Но отец показал ей письмо от Саймона...

Однако она узнала об этом, только когда вернулась домой. Когда похитители устали ждать и заставили ее отправиться с ними на юг, она могла думать лишь о том, что отец решил наказать ее, позволив некоторое время пожинать плоды своей глупости. В это было трудно поверить – отец был строг и суров, но Белла не могла представить, что он способен на такую черствость. Не мог же он совсем ее бросить, это было немыслимо. И она продолжала надеяться на спасение.

В конце концов, ей пришлось спасать себя самой.

С помощью капитана Роуза.

Об этом человеке она не позволяла себе думать годами. В первые месяцы своего заключения после похищения она, как бы глупо это ни звучало, представляла, как капитан Роуз бросается ей на помощь. С ума сойти! Если бы он и примчался в Карскорт, то только для того, чтобы потребовать ее ареста за кражу лошади.

Она уже давно перестала думать о всяких глупостях и наивно мечтать, и сейчас было не время начинаться заниматься этим снова. Так же как надеяться на то, что в жизнь скандальной Беллы Барстоу когда-то вернутся балы и собрания. Ей просто нужен был дом...

Они остановились на ночлег: Белла и Пег Гуссидж поселились в одной комнате. Пег была в полном восторге:

– Боже, боже, я никогда раньше не останавливалась в гостинице, мисс Белла. Какая прекрасная кровать! А вот и еще одна для меня. Для меня! – повторяла она, расстилая кровать.

Раньше Белле приходилось спать в одной постели со своей личной горничной, когда та у нее была, но сейчас все поменялось. Девушка была благодарна Пег Гуссидж за то, что она согласилась стать ее компаньонкой, но пока была не готова спать с ней в одной постели.

Белла понимала, что пока не готова вести разговоры о своем будущем с мистером Клаттерфордом, поэтому попросила принести ужин в комнату. Наслаждаясь супом, Белла спросила:

– Вам все равно, где мы будем жить, Пег?

– Мне, мисс? В общем-то, да. Дальше Карскорта для меня все в новинку. Такой восхитительный суп, очень сытный.

Белла улыбнулась. Ей многое нужно было обсудить со спутницей, которая была всем довольна. Очень многое.

– Мистер Клаттерфорд надеется, что я поеду в Танбридж-Уэллс, где жила моя прабабушка. У него там бизнес. Но я хочу в более тихое место.

Пег густо намазала свежий хлеб маслом.

– Почему же?

– Это не правда, что я сбежала с тем мужчиной, Пег. Но никто в округе мне не верит, и это, в общем-то, немудрено. Белла Барстоу, легкомысленная кокетка, сбежала с очаровательным негодяем, который ее бросил сразу же после того, как обесчестил. Затем опозорилась еще больше, не захотев выходить замуж за приличного человека.

– Сквайра Тороугуда... – пробормотала Пег с отвращением. – Ужасный человек, и не одна я так думаю!

– Это бросается в глаза, Пег. Но почему-то люди считают, что обесчещенная женщина должна быть счастлива и с таким мужем. Как только я дала понять, что наотрез отказываюсь, мой отец рассказал об этом всей округе. А дальше ее могли донести куда угодно. Люди ведь пишут письма друг другу...

– С тех пор прошло четыре года, мисс. Все в прошлом, об этом уже никто не помнит.

– Надеюсь, ты права, Пег. – Белла вспомнила о своем уже остывшем супе и съела еще ложку. – Однако в Танбридж-Уэллсе могли хорошо запомнить эту историю из-за моей связи с леди Рэддолл. Возможно, она даже говорила об этом друзьям. Я уверена, что она была возмущена и пыталась меня оправдать, но люди всегда помнят только позор...

Пег скорчила гримасу.

– Возможно, вы правы, мисс. А вы не думали остановиться у вашей старшей сестры?

– У Афины? – Ненадолго Белла задумалась.

Именно к сестре она сбежала тогда из Дувра. Поместье семьи Афины располагалось недалеко от Мейдстона, и возможно, чувствуя ответственность, сестра и хотела бы приютить Беллу. Но ее муж придерживался другого мнения. Он был уверен, что Белла Барстоу будет оказывать негативное влияние на их маленьких дочерей. Даже если Афина убедит его приютить Беллу,

то ее существование в том доме ненамного будет отличаться от Карскорта – на нее всегда будут смотреть как на грешницу и ожидать благодарности и раскаяния до конца жизни.

Белла не могла обсуждать такие вещи с прислугой, поэтому ответила, не вдаваясь в детали:

– Этот вариант нам не подходит. – Она доела свой суп, обдумывая ситуацию.

Белла хотела независимости, как бы смело это ни звучало. Ей не хотелось снова попасть в заточение, но возможна ли полная свобода для молодой девушки, которой едва исполнился двадцать один год?

Возможно, ей стоит стать другим человеком? Незапятнанным никакими скандалами?

– Я думаю, мне стоит сменить имя, – сказала она, наблюдая за реакцией Пег. – И поселиться в тихом месте, вдали от светского общества. Может быть, даже в деревне, где не будет любопытных соседей, и я смогу, наконец, стать хозяйкой своей жизни.

Пег фыркнула.

– Если вы хотите избежать любопытных людей, мисс, ни за что не переезжайте в деревню. Новый человек больше всего привлекает внимание сплетников. Те, кто умеют читать и писать, совсем скоро начнут строчить послания своим знакомым повсюду, интересуясь, почему красивая молодая женщина прячется в деревне.

– О, вы правы, конечно. Но как мне быть?

– Вам нужно ехать в город, мисс. Там не так акцентируют внимание на новых людях.

В голове Беллы мелькнула поразительная мысль.

– А почему бы нам не отправиться в Лондон? Там любой сможет остаться незамеченным.

– Лондон! Черт возьми, мисс Белла. Я бы отдала все свои деньги, чтобы поехать в Лондон.

Возможно, мне бы удалось даже увидеть самого короля. Говорят, такой прекрасный молодой человек. И его дорогих сладеньких малышей.

Белла боролась со смехом.

– Я не планирую вести светскую жизнь, Пег.

– Жаль, конечно, но это не страшно. Где же нам остановиться?

Белла была в растерянности, но тут ей в голову пришла неожиданная мысль. Есть ли возможность помочь леди Фаулер не просто пожертвованием, а реальной работой? Белла знала, что некоторые женщины помогали ей подобным образом, переписывая и делая копии писем, выполняя другие поручения.

– Леди Фаулер... – нерешительно сказала Белла.

– Леди, мисс? Звучит вполне достойно.

– Я не уверена... Леди Фаулер – социальный реформатор, Пег.

– Не поняла, мисс...

– Она хочет исправить то, что неправильно в нашем обществе.

Пег налила себе еще чаю и добавила четыре куска сахара.

– Звучит, неплохо, мисс. Еще чаю?

Белла согласилась.

– Мне кажется, леди Фаулер не поддерживают в высших кругах. Она пишет письма раз в два месяца и рассылает их многим людям по всей стране. В них она подробно описывает правонарушения среди аристократов. Леди Фаулер призывает своих адресатов распространять информацию, чтобы добиться перемен.

Глаза Пег округлились.

– И скольким людям она пишет? – спросила она.

– Точно не знаю. Думаю, больше чем сотне людей. – Это был вопрос, на который Белла не знала ответа.

– Столько писанины. Удивительная женщина!

Белла еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– Она пишет только одно письмо, а затем ее помощники его копируют. Я бы могла стать одной из них.

– О, вот как, – сказала Пег. – Если это действительно то, что вы хотите, мисс, тогда сделайте это. Но я не смогу вам помочь. Немного писать я научилась, но мне это очень тяжело дается.

– Я не жду от тебя помощи в этом, Пег, еще и потому, что это может быть опасно. Леди Фаулер не просто отправляет письма. В некоторых из них она оскорбляет влиятельных людей.

– Вы уверены, что хотите этим заниматься, мисс? – ответила Пег, продолжая жевать.

– Определенно! Леди Фаулер призывает внести изменения в законы, чтобы защитить женщин от мужской тирании.

– Я поняла, мисс. – Пег взяла еще один кусок хлеба с маслом, затем положила на него ломтик сыра.

Белла подумала, что Пег такими темпами скоро станет полной, как бочка, и не надевая на себя всю свою одежду. Но ей нравилось наблюдать, с каким наслаждением компаньонка уплетает лакомства. Тем временем Белла размышляла о сложностях, которые создала прислуга.

Женщины, помогающие леди Фаулер в работе, жили в ее доме. Белла тоже могла бы попроситься пожить там, но ей вряд ли разрешат поселиться вместе с прислугой. Леди Фаулер приютила у себя женщин, которые больше всего в этом нуждались: их бросили отцы или мужья, они не имели достаточно денег на проживание. Белла не могла занимать там место, учитывая свое – уже не такое бедственное – положение.

Необходимо обзавестись собственным домом где-нибудь поблизости, а Пег станет ее экономкой. Это была сложная задача, но, придумав план действий, Белла почувствовала себя гораздо увереннее. Она озвучила свои мысли вслух, снова ожидая реакции Пег.

– Если вам по карману собственный дом, мисс, зачем нужна эта леди Фаулер? – ответила компаньонка.

– Чтобы помогать в ее борьбе.

Пег лишь пожала плечами, но Белла задумалась над ее вопросом. Честно ответив на него про себя, Белла поняла, что боится остаться одна, в окружении незнакомых людей. Когда-то она общалась с половиной округа, и у нее даже были друзья. Однако эта дружба не прошла проверку временем, поскольку никто не пытался поддержать ее в трудную минуту.

Пег задумчиво жевала.

– Если вы правда этого хотите, мисс Белла... Но не на это должна тратить свое время красивая молодая леди. Вам нужно танцевать, флиртовать и готовиться к замужеству. Нехорошо было с вашей стороны сбегать с тем мужчиной, но...

– Я не делала этого! Пег, меня похитили, когда я гуляла на территории поместья.

Она рассказала свою историю, не надеясь на понимание. И правда, с чего Пег верить ей, если никто другой не поверил? Белла снова не упомянула про капитана Роуза. Еще один таинственный джентльмен только усугубил бы ситуацию.

Выслушав историю до конца, Пег сказала:

– Как это печально, мисс, но все уже позади, так что постарайтесь забыть об этом.

– Я бы с радостью, но вы должны понимать, что из-за этой истории я не смогу вернуться в светское общество. Поэтому я хочу потратить время и часть денег на нужное дело. Но если вы не хотите быть причастной к таким вещам, я позабочусь о том, чтобы вернуть вас домой.

Пег задумалась лишь на мгновение.

– Негоже отказываться от приключений, едва они замаячили на горизонте, мисс Белла, – сказала она, улыбаясь, – а вам, судя по всему, необходим рядом кто-то, кто будет вас оберегать.

– Спасибо большое. Ты не представляешь, что это значит для меня. – Белла положила свою ладонь на крепкую руку женщины.

– Думаю, представляю, мисс. Сложно быть одиноким в этом мире, особенно женщине. Но и мне это только на пользу. Значит, мы будем жить в Лондоне? А где?

Настроение Пег было хорошим – она была уверена в том, что девушка знает, что делает. Но Белле не приходилось в своей жизни принимать решение более серьезное, чем выбор кружева для отделки чепчика. При этом она точно знала, что основной целью ее прабабушки было сделать ее независимой. Поэтому необходимо было ухватиться за эту редкую возможность, иначе она никогда не сможет со спокойной совестью предстать перед леди Рэддолл на небесах.

Белла старалась казаться более осведомленной, чем была на самом деле.

– Мы снимем комнаты в Сохо – там находится дом леди Фаулер. Ты будешь заниматься домашними делами, пока я буду помогать леди Фаулер.

– Прекрасный план, мисс.

Кухарка-домработница, по мнению Беллы, должна была зарабатывать немного больше, чем жалование, озвученное мистером Клаттерфордом для простой компаньонки. Но Белла пока не понимала, сколько следует платить за такую работу, особенно живя в Лондоне. Какие расходы их ждут: на покупку еды, дров и всего остального, и что еще им может понадобиться?

Белла понятия не имела!

Кроме того, что ей действительно нужна помощь. Поэтому завтра она обсудит все с мистером Клаттерфордом. Белла устроилась в постели, надеясь на крепкий сон, но матрас казался слишком неудобным и мягким. После такого насыщенного событиями дня она никак не могла успокоиться и перестать о чем-то думать. Вспоминала тот славный момент, когда ей сообщили хорошую новость, но в то же время ее не отпускали страхи и сомнения.

Лондон! Она бывала там, но посещала только модные места и предавалась развлечениям. Это было еще во времена царствования недавно почившего короля. Она вспомнила, как колокол, возвестивший о кончине короля, помог им сбежать из «Черной крысы»...

Она старалась выкинуть все эти мысли из головы.

Огастус так много говорил о том, как следует вести себя при дворе... Скучный ханжа! Как же ему нравилось читать ей нотации, как до, так и после скандала. Хватит об Огастусе! Это еще один человек, которого нужно забыть навсегда.

Но Белла все еще беспокоилась о том, на что он способен. По-прежнему ли считает ее сумасшедшей и может ли снова запереть? Клаттерфорд уверял, что этому не бывать, но Белла не могла полностью избавиться от своих опасений. Это еще одна причина, по которой ей нужно взять новое имя и изменить внешность.

Стать новым человеком, не оскверненным скандалом и не боящимся своей семьи.

Нужно было придумать новое имя. Какое бы ей подошло? Гарриет, Софрония, Джейн, Маргарет... Все они казались слишком странными. Может быть, что-то близкое к ее имени? Изабелла было ее настоящим именем, а имя Арабелла было слишком похоже на Изабеллу. Кларабелла? Слишком легкомысленно.

Белл... Белла... Беллона! Древнеримская богиня войны.

Да, ей это по душе.

Тогда и новая фамилия должна быть не менее грозной.

Беллона Суорд⁴? Вряд ли.

Беллона Кэннэн⁵? Ну уж нет.

Беллона Ган⁶?

Беллона Флинт⁷...

⁴ От англ. sword – меч.

⁵ От англ. cannon – пушка.

⁶ От англ. gun – пистолет, оружие.

⁷ От англ. flint – кремнь.

Идеально, Беллона Флинт. Непокоримая.

Завтра она узнает у мистера Клаттерфорда, что ей нужно сделать, чтобы сменить имя и стать Беллоной Флинт, и как еще можно защитить себя.

Клаттерфорд крайне расстроился, услышав о планах Беллы. Пытался убедить, что Танбридж-Уэллс – это самое безопасное для нее место, и прямой путь в высшее общество. Однако когда Белла озвучила свои опасения, и он принял их во внимание.

– Вы совсем еще молоды, моя дорогая. Я не могу потворствовать вашему желанию приобрести собственный дом.

Белла почти дрожала от того, что ей приходилось противостоять такому авторитетному человеку, но она продолжала настаивать на своем.

– Насколько я понимаю, мистер Клаттерфорд, у вас не больше полномочий противостоять моему выбору, чем у моего брата.

– Ох, моя дорогая...

По просьбе Клаттерфорда они завтракали вместе, оставив Пег принимать пищу в одиночестве.

– В Лондоне я не смогу быть рядом с вами, чтобы помочь, – запротестовал поверенный, едва притронувшись к еде.

– Очень жаль, сэр, но, возможно, вы могли бы порекомендовать мне другого надежного человека.

– Но вы еще слишком молоды, чтобы жить одной. Вам только двадцать один год.

Белла не хотела рассказывать ему о леди Фаулер, так как это тоже привело бы к возражениям.

– У меня есть Пег, и я немного знаю Лондон. Буду жить тише воды, ниже травы и стараться произвести впечатление более зрелой женщины. Строгая одежда и манеры не будут привлекать ненужного внимания. Я также намерена сделать свой образ крайне неприятным. Однажды я участвовала в спектакле в роли ведьмы и до сих пор помню, как сделать кожу бледной и наклеить бородавку.

За этим последовало еще несколько «ох, дорогая» и других протестов, но Белла стояла на своем, и, в конце концов, Клаттерфорд сказал:

– Я вижу, что вы настроены решительно, и не могу отрицать, что ваша история действительно известна в окружении леди Рэддолл. Как вы догадались, она обсуждала это, будучи сильно взволнованной вашим положением. – Он намазал хлеб маслом и заметил: – Вижу, наша дорогая леди была права. Она сказала, что вы так же сильны духом, как и она.

– О, это правда? – спросила Белла, удивившись. – Я была воплощением легкомыслия, когда мы встречались в последний раз.

– Она узнала вас лучше из переписки, моя дорогая. – Он съел кусок ветчины, все еще выглядя несчастным, а затем окинул ее суровым взглядом. – Если вы бесповоротно решились на такой опрометчивый шаг, я должен предупредить об опасностях, исходящих от мужчин. – Белла посмотрела на него вопросительно, и он продолжил: – Аферисты, моя дорогая. Мужчины, порой даже приятные на внешность, которые захотят жениться на вас из корыстных побуждений.

– О, сэр, я, как никто другой, могу вычислить негодяя. – Белла сухо рассмеялась.

– Иногда это сложно, они хорошо скрываются.

– Обещаю быть крайне осторожной. Но не намекаете же вы на то, что мне не стоит даже задумываться о замужестве? – Белла с удивлением обнаружила, что в глубине ее души все еще таится тоска по романтике.

– О, конечно, нет! Но вы не должны быть легкомысленны в этом вопросе. Спешка ни к чему, особенно без доверительных отношений, а также, конечно, без брачного договора. Опа-

сайтесь любви, ибо она заманивает многих леди, да и джентльменов, в ловушку безрассудства. Хитрый мошенник может заявить, что разумные меры предосторожности якобы отрицают вашу истинную любовь, и таким образом подтолкнет вас к поспешному браку или даже к совместному побегу. Будьте внимательны! – Он направил на нее вилку. – Это явный признак плохого человека. Как и любая попытка соблазнить вас, склонить к поведению, которое может привести к нежелательным последствиям.

Белла покраснела, но кивнула.

– Да, я понимаю это и благодарю вас. Я обязательно последую вашим советам. Но не откажусь от намерения поселиться в столице. Вы сможете отвезти меня в Лондон устроиться в комфортном и безопасном месте?

– Вы очень похожи на свою прабабушку. – Он вздохнул. – Да, мисс Флинт, я это не одобряю, но сделаю, как вы просите.

Глава 5

Ротгар-Эбби

Август 1764 года

– Как же мы страдаем за наших друзей, – сказал герцог Айторн, встретившись поздно вечером со своим кузеном Робинот, графом Хантерсдауном, и его молочным братом Кристианом, майором, лордом Грандистоном.

– В твоем распоряжении элегантно обставленные комнаты, – сказал Робин, жестом указывая на его спальню, – изысканный бренди, – он поднял бокал, – и самая лучшая в мире компания.

– И все это в логове Темного маркиза, – ответил Торн.

– Ротгар все еще не отравил тебя. Несмотря на то, что твоя нескрываемаа враждебность иногда искушает его.

– Я уверен, что дьявол знает яды замедленного действия.

Робин бросил на него острый взгляд, и Торн, извиняясь, поднял руку. Был канун свадьбы Робина с любовью всей его жизни и не время для злословия. Торну было не по душе, что выбор кузена пал на дочь Темного маркиза. Но раз уж Робина не смущало то, что Петра была незаконнорожденной дочерью итальянского католика, то неловкость из-за плохих отношений с ее отцом вряд ли могла обеспокоить кузена.

Это был отвратительный пример того, насколько безумной может быть любовь.

– Я запрещаю все разговоры о политике, – заявил Кристиан, развалившись на своем месте, как пантера – светловолосый, мускулистый и элегантный. Когда в шестнадцать лет он отплыл с армией, то был таким же стройным, как Робин, а сейчас Торн все еще не переставал удивляться его телосложению. Для него было настоящим потрясением увидеть Кристиана спустя пять лет, когда тот вернулся крепко сбитым, привыкшим командовать и убивать.

Робин и Торн были двоюродными братьями и знали друг друга с младенчества. Кристиана и Торна связывали проведенные бок о бок прекрасные шесть лет.

В действительности Торн всегда был сиротой. Он родился уже после смерти отца, а два года спустя его мать снова вышла замуж за француза и переехала во Францию. По завещанию отца она не имела права вывозить сына из страны, поэтому его воспитанием занимались опекуны и попечители.

Когда мальчик достиг десятилетнего возраста, приняли решение, что у него должен быть подходящий по статусу компаньон. Торн не понимал вначале, как относиться к этому веселому энергичному захватчику, которому не было дела до высшего образования, политической географии и принципов руководства и управления. Вместо этого с самого детства Кристиан был гением во всем, что требовало физической силы, особенно в озорстве.

В какой-то момент Торн тоже заинтересовался играми, причем, гораздо больше, чем ожидали его попечители. Даже простые занятия верховой ездой превращались в состязания. Кристиан увлекал Торна изобретательными играми, в которых они лазили по деревьям и переходили ручьи по шатким самодельным мостам, не говоря уже о луках, стрелах и машине для метания камней. Тяга Кристиана к военному делу проявилась уже в детстве.

Кристиан не испытывал особого интереса к кораблям, но его внезапное желание поиграть в пиратов на озере Айторн привело к покупке первой маленькой лодки Торна, а затем к «Черному лебедю» и всему, что с ним связано. Великолепные годы! Робин часто их навещал, и каждый раз это означало лишь одно – неприятности в тройном размере.

Когда у Кристиана появилось непреодолимое желание пойти в армию и сражаться с врагами Британии, Робин яростно протестовал. Торн, переживая больше всех, не пытался оста-

новить его. Но сожалел об этом, когда по военным нуждам Кристиан был отправлен в Канаду, и они увиделись лишь дважды за десять лет. Но вскоре это перестало иметь значение, потому что на Торна возложили обязанности герцога, которым он посвящал большую часть своего времени.

– Ты мрачнее тучи, что случилось? – спросил Робин Торна.

– Его гнетут герцогские обязанности, – сказал Кристиан.

– Напротив, я считаю, что мои обязанности не менее увлекательны и достойными, чем участие в битвах.

Черт возьми, какой резкий тон!

– Тогда на что тебе сдался «Черный лебедь»? – спросил Кристиан.

– Он необычный, – сказал Робин, наполняя бокалы и пытаясь разрядить обстановку. – Как и его название.

– «Черный лебедь» не просто необычный, он невероятный, – сказал Торн, следуя за мыслями Робина. – Как герцог под прикрытием. Я когда-нибудь рассказывал вам о том, как спас девушку, оказавшуюся в беде, а она увела у меня лошадь? – Он знал, что не рассказывал, но это могло помочь сгладить неловкий момент.

Двое друзей засмеялись, и Кристиан сказал:

– Это ты удачно отделался. Посмотри, что случилось с Робинсом, когда он увлекся рыцарством.

– Со мной все хорошо, – с отвратительной улыбкой влюбленного ответил Робин.

– За исключением тысячи гиней для фонда Фаулер, – сказал ему Торн.

– Не хочу об этом вспоминать, – простонал Робин.

– За вступление в брак нужно заплатить.

– Вы что, не могли просто забыть об этой клятве? – Робин посмотрел на них обоих.

– Милорд Хантерсдаун, – сказал Торн с крайним изумлением, – как вы можете предполагать что-то столь бесчестное. У меня с собой даже имеется копия официального документа. – И он достал его из кармана.

– Ах ты, дьявол!

Торн медленно развернул свою копию бумаги, которую они все подписали четыре года назад. Это был один из тех редких визитов Кристиана в Англию, и они отпраздновали это событие, отплыв в море на «Черном лебеде» и наслаждаясь своими альтер эго. Торн, конечно же, был капитаном Роузом, Робин – лейтенантом Спарроу, а Кристиан – беспощадным пиратом.

Эти образы друзья придумали очень давно, еще в юношеском возрасте, когда проводили время на озере, но забыли о них, выйдя в открытое море. Это случилось впервые на снаряженном крюком парусном судне под командованием настоящего старого моряка по имени Гарри Дженкинс. Море сразу же увлекло Торна, и он заказал быстроходный корабль, а также выучился и приобрел навыки, необходимые для того, чтобы стать его капитаном. Когда корабль спускали на воду, он выглядел, как вырвавшаяся на свободу волшебная птица. Его так и называли – «Черный лебедь».

Торн выходил на нем в море для удовольствия и торговли, но ему не часто удавалось сбегать от своих дел и проводить время на корабле, поэтому он сильно переживал, что «Черный лебедь» простаивает. Но затем Кристиан встретил Калеба – помощника на прибрежном судне в Массачусетсе – и был поражен его сходством с Торном.

Кристиан узнал, что Кaleb Роуз и его мать родом из Кента и прибыли в Америку, когда Кaleb был еще ребенком. Зная репутацию покойного герцога Айторна и полагая, что фамилию Роуз можно связать с Торном⁸, Кристиан решил рассказать другу о сложившейся ситуации.

⁸ От англ. thorn – шип, rose – роза.

Затем Торн смог выяснить подробности, поскольку история о Мари Фьюкс и ее ребенке была у всех на устах в Стоутинге. Его отец обеспечивал им скромный доход, но, когда Калекб стал сильно похож на молодого герцога, попечители Торна пригрозили прекратить выплату пособия, если Мари не увезет мальчика в Америку.

Торн через Кристиана отправил Калекбу письмо, в котором сообщил, что Калекб может спокойно возвращаться домой и не бояться, что потеряет свое пособие – наоборот, он его даже увеличит. Только при встрече с Калекбом Торну пришла в голову мысль о том, каким образом ему можно воспользоваться их поразительным сходством.

Пропасть между ними была огромной – в положении и образовании, – но несмотря на это, они прекрасно понимали друг друга. Калекб был умен и весьма амбициозен. Ему не потребовалось много времени, чтобы освоить навыки, необходимые для того, чтобы стать капитаном «Черного лебедя». Также он смог изменить манеру поведения и стиль речи, что позволило Торну иногда менять свою личность и, по необходимости, становиться капитаном Роузом.

Почти год герцог Айторн выходил в море с капитаном Роузом, явно давая всем понять, что они два разных человека, но потом происходила подмена. Они встречались в гостинице «Черный лебедь» в Стоутинге. Через некоторое время оба уходили оттуда, но при этом появлялись образами. Калекб не пытался дальше играть герцога и отправлялся прочь от побережья, где присутствие двух капитанов Роузов было не так заметно.

Что касается местных жителей – для них была придумана история о том, что герцог Айторн великодушно передал владение «Лебедем» своему единокровному брату-бастарду Калекбу Роузу.

Торн знал, что Калекб время от времени занимался контрабандой – почти все корабли на побережье Кента этим промышляли, – но до войны он старался держаться от этого подальше и не вмешивался в дела брата.

Затем Торну представилась возможность для опасных приключений, и он ею воспользовался. Его скорые ночные путешествия через Ла-Манш выглядели, как занятия контрабандой, но на самом деле он перевозил шпионов и доставлял сообщения для правительства. Как только Кристиан узнал об этом, то настоял на том, что тоже хочет присоединиться к веселью, несмотря на свою заживающую рану, и Робин тоже их поддержал своим участием.

Хорошие были времена.

Опасные времена, но какие запоминающиеся! Опасность добавляла остроту жизни.

Вернувшись на сушу, будучи в безопасности и под действием прекрасного французского коньяка, Торн пожаловался двоим друзьям на то, что на него давят и заставляют поскорее вступить в брак. Собравшиеся отнеслись к этому с сочувствием, и Робин предложил всем дать клятву – не жениться до тридцати лет. А за нарушение клятвы – невыносимое наказание.

Потребовался час или два и очень много выпивки, чтобы придумать самое невыносимое наказание из всех. В итоге было решено, что нарушитель пожертвует деньги на дело, которое они все ненавидят.

Торн прочистил горло для пушного эффекта.

– Сегодня, третьего января тысяча семьсот шестидесятого года от Рождества Христова, да будет постановлено: люди никогда не должны жениться молодыми. Поэтому мы, стойкие холостяки, заявляем, что тот из нас, кто поддастся этому нечестивому порыву, начиная с этого дня и до достижения им тридцатилетнего возраста, будет принужден уплатить штраф в тысячу гиней, которые затем передаст в фонд леди Фаулер, морального реформатора высшего общества Лондона.

Робин посмотрел на него, совершенно серьезно.

– Я не могу этого сделать. Правда, не могу. Эта женщина безумна! То, что она хочет запретить выпивать, танцевать и играть в карты – сущий пустяк, но теперь она вцепилась в Петру. Я полагаю, что для Ротгара это небольшой скандал – обзавестись дочерью в шестнадцать

лет, но по тому, как леди Фаулер преподносит обществу эту новость, можно подумать, что речь идет об инцесте. А тут еще его жестокость по отношению к жене...

– Что?

– Ротгар показал мне последнюю статью леди Фаулер: «Он настолько мерзок, что даже заставил свою жену терпеть такой скандал под своей крышей». Как будто Диану это беспокоит.

– Ротгар получает письма от Фаулер? – удивленно спросил Торн.

– Конечно, получает. Или кто-то делает это за него. Он всегда все знает, этим и уникален. Торн пожалел, что ему не пришло в голову сделать то же самое.

– Эта женщина, видимо, бесстрашная, раз решила взяться за жену и дочь Темного маркиза. Считайте, что ей конец. Но я восхищаюсь этим.

– Я бы хотел вызвать ее на поединок. Но она женщина, да еще и в возрасте.

– Думаю, ей чуть больше сорока, – сказал Кристиан.

– Но она больна, – сказал Робин. – Говорят, муж заразил ее сифилисом. Этого достаточно, чтобы сделать любую женщину злой.

– Какой же ты все-таки сострадательный. – Торн покачал головой.

– Но не настолько, чтобы отдать ей тысячу гиней. Вдобавок ко всему, она теперь извергает опасные политические заявления. Подумайте, на что она будет способна с таким количеством денег. С вашего разрешения, дорогие друзья, не могу ли я отдать эти деньги на другое дело? Пожертвовать дому сирот, например? Или в богадельню. Да куда угодно!

– Она действительно опасна, – согласился Кристиан, он был явно не таким пьяным, каким казался. – Раньше ее письма читали просто для развлечения, а теперь она призывает, как говорит Робин, к насильственным действиям. Она и ее последователи стали реальной проблемой.

– А-а-а...

Майор лорд Грандистон теперь служил в Конной гвардии, которая обеспечивала эскорт монарха и обычно занималась вопросами его безопасности.

Вспомнив об этом, Торн задумался на другую тему.

– Как король относится к маскарадам? Я слышал, что он осуждает их, однако все же присутствовал на том, который Ротгар устраивал в прошлом году.

– И там его чуть было не убили, – сказал Робин.

– Всех это очень огорчило, полагаю. – Кристиан помрачнел.

– Но не Ротгара. Для него это стало возможностью благородно заслонить короля своим телом.

– Если вы предполагаете, что Ротгар инсценировал это, – сказал Робин, – то не стоит. Убийца мертв.

– Что такое одна смерть для такого дела?

Робин закатил глаза и налил еще бренди.

– Для меня это повод для беспокойства, – сказал Торн Кристиану, покачивая в руке свой бокал. – В этом году я организую Олимпийские гуляния и хотел бы, чтобы король присутствовал на них.

– Я не занимаюсь придворными махинациями. Могу лишь предположить, что если король придет, то и его охрана будет в костюмах.

– Его будет несложно вычислить. Традиционно мужчины одеваются в соответствии со своим положением: члены парламента – в сенаторские тоги, а военные – в классические доспехи.

– С настоящим оружием? – спросил Кристиан.

– Нет... Но если кто-то из них находится на официальной службе...

– Я понял.

– Я очень сомневаюсь, что король их посетит. Гуляния пользуются дурной славой, и я не помню, чтобы он присутствовал на них когда-то. А вот предыдущий король был в восторге от таких развлечений.

– Мои гуляния понравятся даже людям с самым утонченным вкусом, – сказал Торн.

Двое друзей уставились на него.

– Я имею в виду, что на гуляниях не будет ни откровенных костюмов, ни открытой оргии. – Он улыбнулся.

Но друзья все еще продолжали смотреть на него.

– Вы боитесь, что гуляния будут непростительно скучными? Я готовлю кое-что еще. Будут актеры, чтобы оживить обстановку.

– Гениально, – сказал Робин. – Что было бы за веселье, если бы скучающим дамам и кавалерам не с кем было пофлиртовать, а может, и еще кое-что? Жаль, что не смогу присутствовать и увидеть все это.

– А я смогу, – сказал Кристиан. – Даже если короля не будет, я ни за что не пропущу это современное чудо.

– Почему ты не сможешь приехать? – спросил Торн Робина.

– Петра беременна... Поэтому некоторое время мы будем жить тихо.

Торн был немного знаком с будущей графиней Хантерсдаун, поэтому удивился ответу Робина, но не показал этого.

– Но почему такое скромное веселье? На тебя не похоже, – спросил Кристиан.

– Возможно, я поменял свой стиль. – Торн не хотел, чтобы Кристиан и Робин дальше продолжали выяснять его планы, поэтому начал размахивать бумагой, которую все еще держал в руке. – Леди Фаулер? Я согласен, что это прискорбно, но клятва есть клятва. Особенно, когда требуется расплата не только за вступление в брак...

Робин поднялся и выхватил бумагу из рук Торна, чтобы перечитать ее.

– Здесь нет ничего о том, как именно необходимо расплатиться.

– О чем это ты?

– Нельзя светить мое имя. Просто отдать ей деньги и назвать имя отправлявшего – это разные вещи. Она наверняка разнесет весть по всему миру в своем чумном письме. Возможно, даже заявит об этом как о доказательстве правоты своих обвинений.

– Она так и сделает, ты прав. Хорошо, я отправлю их. У меня столько адвокатов и банкиров, занимающихся моими делами, что леди Фаулер никогда не узнает, откуда пришли деньги.

– Премного тебе благодарен, любимый кузен. – Робин сделал глоток крепкого бренди, затем улыбнулся. – Хорошая тренировка на будущее. Скорее всего, ты будешь следующим.

Кристиан рассмеялся, но Торн сказал:

– Это может стать правдой.

– Что? – взорвался Кристиан. – Торн, подумай о еще одной тысяче гиней в фонд Фаулер.

– Ты влюблен? – с восторгом спросил Робин.

– Наблюдая за тобой в последнее время, я решил, что этой заразы следует избегать. – Ответил Торн, потягивая свой бренди. – Месяц назад на «Лебеде» произошел инцидент. Простая случайность во время шторма, но я мог погибнуть. Я последний в своем роду...

– Но корабль – твоя единственная отдушина, – запротестовал Кристиан.

– Неправда. Но да, «Черный лебедь» – важная часть моей жизни. Но пока мне стоит от этого отказаться. Один или лучше два наследника в детской, и я снова смогу заниматься своими делами.

– Это может занять достаточно много времени, – сказал Кристиан.

– Я хорошо знаю арифметику.

– Три года или больше... Без «Черного лебедя»? Ты не сможешь.

– Я смогу все, что захочу.

– Ты должен жениться, – сказал Робин. – И я говорю не как влюбленный безумец. Создание семьи встряхнет твою упорядоченную жизнь.

– Моя жизнь не так уж и плоха, – сказал Торн, сдерживая свой пыл. – И я пойду на это, только если влюблюсь. Если жениться, то на женщине, идеально подходящей для того, чтобы стать герцогиней.

– Ты ведь не серьезно, да? – спросил Кристиан.

– Я сомневаюсь, что способен испытывать безумную страсть.

– Ты не прав. Я видел тебя на «Лебеде».

– Корабль – это не женщина.

– Но в тебе есть огонь. И однажды он разгорится в неистовое пламя.

– В тебе самом огня, как в преисподней.

– И я могу свободно гореть. С кучей братьев я вообще не несу никакой ответственности.

– Выпьем же за то, что хоть один из нас совершенно свободен! – Робин поднял свой бокал.

Они выпили, и в комнате повисла напряженная пауза. Торн схватил графин, прежде чем Робин успел снова наполнить бокалы.

– Завтра ты должен быть в хорошей форме.

– Уже сегодня, – сказал Кристиан, вставая и потягиваясь. – Завтра уже наступило. Ложись спать, Робин, иначе твоя будущая жена будет не очень довольна первой брачной ночью.

– Такого никогда не было и не будет, – сказал Робин, блаженно улыбаясь.

Спустя некоторое время Торн и Кристиан шли по коридору, Кристиан заговорил первым:

– Он на самом деле счастлив.

– Да, это правда.

Они подошли к комнате Торна, и Кристиан вошел следом за ним. Слуга Торна отсутствовал.

– Обсудим твою нелюбовь к лорду Ротгару?

Это был серьезный вопрос, поэтому Торн обдумал свой ответ, прежде чем сказать:

– В его руках сосредоточено много власти и влияния на короля. Многие хотят сделать так, чтобы он сошел с арены, а я это могу: у меня есть превосходство – мой более высокий титул.

– Мне кажется, для тебя будет лучше играть с огнем только на «Черном лебеде».

– Уходи, – сказал Торн, и Кристиан так и поступил.

Слуга Торна вернулся, чтобы помочь ему раздеться.

– Я правда нарываюсь на неприятности, Джозеф? – Слуга был на десять лет старше Торна. Спокойный, уравновешенный человек, он помогал ему с четырнадцати лет, когда герцог начал выходить в свет и посещать королевские приемы. Между ними почти не было секретов.

Вернее, очень мало.

– С тех пор, как вы зареклись пока не выходить в море, возможно, стали немного беспокойны, сэр.

– Я уже давно знаю об интригах при дворе... – Надевая халат, Торн спросил: – Мне стоит жениться?

– Это должно быть лишь вашим желанием, сэр.

– А вдруг я никогда не захочу?

– Мир не рухнет, если титул Айторна не передастся по наследству, сэр.

– Святотатство! Я хочу жениться, ты же знаешь.

Торна привлекала идея завести семью, Робин совершенно прав. Он присматривался к одной из сестер Кристиана, поскольку ему нравилась эта большая и дружная семья, но ему что-то все время мешало. Он чувствовал, что должен жениться по любви, а не по расчету.

– Моим домам нужна хозяйка, – сказал Торн, осознавая, что спорит сам с собой. – Я буду покупать ей дорогие драгоценности, которые потом останутся в семье. Она родит мне здоровых детей для продолжения рода...

А он будет учить детей ходить на лодках по озеру и играть в пиратов и Робин Гуда...

– Всему свое время, сэр. Вы обязательно найдете подходящую женщину.

– Надеюсь, ты прав, – сказал Торн и зевнул. – Моя жизнь превратится в ад, если я женюсь не на той.

Глава 6

*Айторн-хаус, Лондон,
Сентябрь 1764 года*

– Прошу сюда, мадам. – Горничная явно переживала, указывая на непримечательную дверь для слуг в конце короткого коридора. – Здесь недалеко спальные комнаты, мадам, но они закрыты для посещения. Поверните направо, и вы увидите всех приглашенных гостей.

Горничной было около тридцати, но она сцепила пальцы на фартуке, как встревоженный ребенок.

– Если вас поймают, прошу, не говорите, что это я впустила вас, мадам! Я делаю для леди Фаулер все, что могу, но мне нужна эта работа. И это не такой уж плохой дом, на самом деле. Герцог хранит свой грех в каком-то другом месте. Здесь только выпивка и азартные игры...

– Я никогда не допущу, чтобы кто-то в этом доме узнал о том, что вы мне помогали. Возвращайтесь к своим обязанностям и забудьте обо мне. И спасибо вам, – сказала Белла, коснувшись руки женщины.

Горничная присела в реверансе и удалилась. Хотя Белла не собиралась уходить, из-за слов горничной она смотрела на дверь с опасением. Пробраться в дом дворянина – даже герцога. Чем ей это грозит? Хуже того, через несколько мгновений она собиралась вторгнуться в компанию высших и избранных лиц страны.

Белла вздрогнула от этой мысли.

Леди Фаулер получила письмо от горничной, в котором та сокрушалась, что герцог собирается устроить Олимпийские гуляния – ежегодный маскарад для лондонской элиты. Что еще ей оставалось делать? Слуг собирались заставить надеть непристойные одежды...

Леди Фаулер увидела прекрасную возможность поохотиться за самыми гнусными тайнами тех, кто правит страной и принимает законы. Служанка должна была обеспечить беспрепятственный вход для одной из союзниц леди Фаулер. Но для кого? В конце концов, выбор пал на на Беллону Флинт.

Первый пункт своего плана Белла уже выполнила – приняла облик Беллоны Флинт – суровой простушки, с бровями, сросшимися на переносице, и маленькой бородавкой на носу. Также она арендовала дом неподалеку от дома леди Фаулер, в котором проводила почти все дни, переписывая письма для рассылки и помогая всем, чем могла. Однако за пять месяцев она стала терять интерес к леди, ее окружению и ее деятельности.

Бедная леди Фаулер получила от своего мужа злополучную болезнь, которая разрушала ее здоровье. Теперь леди была почти полностью парализована и, возможно, понемногу сходила с ума. Ее рассылки превратились в скандальные листки, в которых она, невзирая на опасность, радикальным образом обсуждала политические темы. Многих ее сподвижниц это крайне расстраивало, но при этом они побаивались высказывать свое мнение. Белла никогда не была робкой и не могла бездействовать, но не знала, как будет правильнее поступить. Она начала подумывать об отъезде.

Стоя перед дверью в дом герцога и чувствуя неминуемую опасность, Белла жалела, что не сделала этого. Но, раз уж она явилась сюда, не стоит отступать – ей непременно надо показать сестрам Драммонд чего она стоит.

Сестры-ирландки Хелена и Оливия Драммонд, недавно прибывшие в дом леди Фаулер, были хищными птицами. Они были полны идей для кардинальных действий и уже успели организовать шумный митинг перед одним из венецианских маскарадов мадам Корнелис. Там они облили чернилами ноги актрисы, игравшей роль в штанах. Прочитав письмо горничной, они тут же ухватились за идею вторгнуться на праздник и отправили туда Оливию.

Белла боялась, что, если сестры пойдут туда сами, они натворят больших бед, так что сама вызвалась взяться за это дело, не подумав о том, как выглядит Беллона Флинт... Оливия и Хелена, обе дерзкие красавицы, посмеялись над ее способностью влиться в подобное общество, что привело к горячему спору. В конце концов, Белла пустила в ход свой козырь – ей уже приходилось бывать на модных маскарадах.

В доме леди Фаулер Белла, рассказывая о себе, как о Беллоне Флинт, максимально приблизила ее историю к собственной. Она пропустила только похищение и добавила несколько лет к возрасту Беллоны. Леди Флинт происходила из дворянской семьи. Но с ней начали плохо обращаться после того, как она отказалась выходить замуж за нечестного человека, выбранного для нее отцом. А спасение нашлось в скромном наследстве от престарелого родственника.

Она могла с чистой совестью заявить и не соврать, что присутствовала на двух модных маскарадах: первый раз в роли молочницы Бетси, а второй – в роли королевы Элеоноры Кастильской. Белла хорошо представляла, как люди ведут себя на таких собраниях, как играют свою роль и разговаривают с другими людьми и их персонажами. Леди Фаулер согласилась с Беллой.

Но Белла не подумала, что на Олимпийских гуляниях все одеваются в стиле олимпийцев. Чиновники носят тоги, а военные – греческие или римские доспехи. Замужние дамы одеваются как матроны или богини, а незамужние – полуголыми нимфами.

Если бы она это знала, то ни за что не стала бороться за задание, но после победы над сестрами Драммонд ей не хватило смелости отказаться. Теперь она точно не могла показать свою слабость. Чтобы успокоиться, Белла потрогала свой черный парик и маску, скрывающую лицо. Никто и никогда не узнает ее в этом скандальном наряде.

Обычно костюм нимфы представлял собой лишь легкий халат без рукавов. Она настояла на том, чтобы надеть под него рубашку, но рукава все равно пришлось отрезать. Ее оголенные до плеч руки никогда прежде не были выставлены на всеобщее обозрение. Ноги тоже были открыты: Белла хотела надеть чулки, но с изящными греческими сандалиями сделать это не представлялось возможным. Еще больше усугубляли ситуацию сверкающие звезды на ремешках сандалий – они притягивали взгляд к пальцам ног.

Белла не была уверена, кто именно придумал это – леди Фаулер или сестры Драммонд. Было решено, что она предстанет в образе Келено, – одной из нимф, которая была превращена в звезду после нападения бога Ориона.

– Это символ жестокости мужчин! – заявила леди Фаулер в своем чрезмерно драматическом стиле.

Так у Беллы появились звезды на сандалиях, на темно-синем поясе, которым был подпоясан ее белый халат, и на парике. Последние не вызвали у нее никакого беспокойства, но те, что были возле пальцев ее обнаженных ног, вызывали дискомфорт.

Молясь, чтобы на гуляниях были и другие, еще более раздетые девушки, Белла дотронулась до ручки двери, слегка приоткрыв ее. Девушка нервничала не только из-за своего наряда – она вторглась в дом дворянина. Учитывая абсолютную несправедливость законов, защищающих дворянство, ее могли за это повесить.

Она расправила плечи и заглянула внутрь. Это был мир герцога: на сверкающем полу коридора лежал ковер, а стены были выкрашены в нежно-зеленый цвет и увешаны акварельными пейзажами.

В какой-то момент она задумалась, не ошиблась ли домом. Герцог Айторн имел репутацию повесы, но здесь не было ни разврата, ни грубого вкуса. Белла обратила внимание на слабые звуки, доносившиеся из других частей дома, и была не менее озадачена. Она услышала оживленную музыку, а не крики или дикий смех, хотя люди начали прибывать уже более часа назад.

Белла снова прикоснулась к своей маске и вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Она пошла на музыку и по мере приближения узнала танцевальную мелодию. Не успела опомниться, как уже танцевала по устланному ковром коридору. Белла так давно не танцевала, и ей это так нравилось!

Она остановилась.

«Ты здесь по делу, Белла! Будь серьезнее!»

Продвигаясь дальше, она вскоре услышала голоса и смех. Но все же они были не такими, которые можно было ожидать на оргии – скорее, как на светском собрании. Белла свернула за угол и остановилась при виде приглашенных гостей – сердце забилося сильнее. Она заставила себя пройти дальше к двум группам людей, по пути утешая себя тем, что некоторые нимфы были одеты так же скандально, как и она.

Однако и здесь люди, казалось, вели безобидные беседы. По правую сторону мужчин в римских доспехах разговаривали с матроной и застенчивой нимфой. Вероятно, это были мать и дочь, по левую – двое мужчин в тогах флиртовали с двумя более смело одетыми нимфами, но и их поведение было вполне в рамках приличия.

Увидев этих нимф, Белла подумала, не заподозрят ли в ней незваную гостью из-за того, что она в слишком закрытой одежде. Плечи одной юной леди были прикрыты лишь лентами, а платье доходило едва до колен! Одну лодыжку обрамлял браслет с бриллиантами, что выглядело куда более скандально, чем звезды на пальцах ног Беллы.

Подходя к мужчинам, Белла незаметно приподняла платье, натянув ткань на пояс, при этом оголив еще шесть дюймов правой ноги. Затем с трудом поборол желание опустить юбку обратно.

Мужчины в доспехах и скромные дамы, казалось, беседовали о бытовых делах – о благоустройстве улиц и погоде. Затем один мужчина упомянул Джона Уилкса.

Белла предпочла бы не слышать упоминаний о Уилксе. В прошлом году его посадили в тюрьму за издание газеты «Норт Бритон», в которой критиковался король. Он избежал наказания только благодаря бегству из страны. А леди Фаулер, несмотря на это, под влиянием сестер Драммонд, решила использовать часть недавнего поразительного пожертвования в тысячу гиней на покупку печатного станка. Она заявила, что будет печатать на нем свои письма, чтобы их можно было свободно распространять в Лондоне.

Все это было достаточно тревожно, особенно учитывая подстрекательское содержание писем. Но Белла больше опасалась того, что у сестер Драммонд были более опасные планы. Они умудрились воплести тираническое правление Англии над Ирландией в рассуждения о юридическом угнетении женщин, а это было близко к государственной измене. Если они будут использовать письма леди Фаулер для публикаций на эту тему, то бедные овечки из соратниц леди Фаулер, скорее всего, окажутся ягнятами на заклании.

Овцы или птицы, одинаково уязвимы...

– Прекрасная нимфа, вы одна? Не желаете присоединиться к нам?

Сердце Беллы снова заколотилось, она повернулась и увидела мужчину в тоге.

– Увы, я должна быть в другом месте.

– Какие еще дела могут быть у нимфы на гуляниях? Молю, даруйте нам удовольствие от вашего общества.

Второй мужчина тоже жаждал ее компании, но две нимфы явно не были благосклонны к сопернице.

– Прошу меня простить, господа, но сейчас я хочу быть в другом месте, – легкомысленно ответила Белла.

Она прошла дальше, опасаясь, что ее сейчас же оттащат назад и, возможно, обвинят в самозванстве. Когда этого не произошло, она немного расслабилась. Никто из присутствующих

не обращал на нее особого внимания, и она подумала, что ее манера поведения не вызывает никаких подозрений.

Белла осторожно подошла к другой группе людей. Они лишь посмотрели на нее, а затем снова продолжили свои разговоры. Казалось, они тоже обсуждали серьезные политические вопросы. Она уловила упоминания о Гревилле, Ньюкасле и французском после.

Она предполагала, что подобное мероприятие для сильных мира сего – это хорошая возможность встретиться и провести переговоры в неформальной обстановке, минуя соперничество и вражду. Но это определенно не служило ее основной цели.

Возможно, все самое интересное еще впереди?

Белла свернула за угол и с облегчением обнаружила более оживленную компанию. Обстановка здесь казалась более непринужденной. Было легко и спокойно, и девушка смогла пройти сквозь подвижную толпу, общаясь с людьми. Было видно, что многие гости узнали друг друга, но некоторые играли в маскарад, пытаясь угадать, какого персонажа изображает другой человек.

Несколько мужчин пытались угадать ее личность, приглашая присоединиться к ним и пытаясь флиртовать. Однако все это было в рамках приличий. Белла отвечала им шутками по поводу их тоги или доспехов и шла дальше. Да, она могла шутить. Она помнила как.

Настроение Беллы стало подниматься. Улыбка давалась ей все легче, музыка затуманила сознание... и тут она поняла, что светится от того, что мужчины обращают на нее внимание. Они называют ее красивой и милой, восхищаются ее звездами...

«Они не ценят тебя, – говорила она себе. – Они пялятся на твои накрашенные губы, накладные волосы и непристойный костюм». Вдруг она вспомнила про свою украденную юность, и ей это очень понравилось. После этого будет трудно вернуться к своей скучной жизни, но какой у нее был выбор?

Дальше она попала в самый центр дома, на многолюдную площадку, к которой вела великолепная лестница из сверкающего дерева и позолоченного металла. Наверху виднелся богато оштукатуренный потолок с центральной картиной, но свет сюда почти не проникал.

Вместо этого зал внизу был освещен для привлечения внимания, превращая его в сцену, на которую выходили вновь прибывшие. Она пробралась вперед, чтобы лучше видеть, и тут же попала в эпицентр шума, духов и запаха пота.

Белла посмотрела вниз, гадая, находится ли герцог в зале, приветствуя самых важных гостей. Какой костюм он надел? Сенаторскую тогу, возможно, с императорским лавровым венком? Она видела несколько таких, и некоторые были даже позолочены.

Высокомерный герцог должен одеваться именно так.

Она надеялась, что не зря вторглась сюда и ей все же удастся получить необходимую информацию о герцоге Айторне, поскольку он был ей особенно интересен. Беллу беспокоило необычное пожертвование в тысячу гиней, и она попросила мистера Браунли, лондонского поверенного, нанятого для нее мистером Клаттерфордом, попытаться найти человека, который его отправил. Мистер Браунли столкнулся с большими трудностями, поскольку этот человек явно не хотел быть раскрытым. Но некие связи в юридической фирме, выполнявшей большой объем работы для герцогства Айторн, позволили пролить свет на это дело. С чего бы молодому герцогу жертвовать такую сумму в фонд леди Фаулер? Она была уверена, что точно не из благих побуждений.

Надеялся ли он, что такая большая сумма сподвигнет леди Фаулер на опасный безрассудный поступок? Если так, то это был гениальный план, ведь результат оказался именно таким. Теперь леди Фаулер уверена, что у нее есть могущественные тайные сторонники, и под влиянием сестер Драммонд с каждым днем разрабатывала все более грандиозные планы.

Что еще хуже – уже несколько месяцев она провоцирует своими письмами маркиза Ротгара. Это верх глупости, несмотря на то, что он навязал жене и обществу незаконнорожденную дочь.

Интересно, Темный маркиз тоже приглашен? Возможно, он оденется во все черное? Его еще называют Черный кардинал – темная сила, стоящая за тронном. Очевидно, это влияние Франции, с ее Красным кардиналом или кардинал Ришелье.

Белла боялась лорда Ротгара больше, чем короля, ведь он действовал беспощадно, невзирая ни на какие законы. Она слышала: он делал все, что хотел, и был чрезвычайно мстительным.

Она должна покинуть дом леди Фаулер. Должна начать жить другой жизнью.

Ни один из мужчин, стоявших внизу, не был похож ни на лорда Ротгара, ни на герцога, хотя обоим было бы трудно узнать. Она видела их всего несколько раз и на расстоянии. Оба высокие и с темными волосами – если они не припудрены. Маркиз лет на десять старше герцога.

Присмотревшись, она заметила, что прибывшие гости смотрят вверх и по сторонам и восклицают от восторга. Белла решила спуститься вниз, чтобы увидеть сцену так, как видели ее они.

Идти против толпы было нелегко, и иногда ей приходилось слишком близко подходить к людям. Иногда она сталкивалась с мужчинами, которые улыбались ей и флиртовали. Один даже попытался заставить ее подняться с ним наверх, но отпустил сразу же, как только она запротестовала.

Однако стало жарко, и Белла заволновалась. Ей было некомфортно оттого, что обнаженные мускулистые руки незнакомых мужчин касались ее кожи, и из-за большого скопления народа ей приходилось часто прижиматься к чьим-то телам и доспехам.

Она забыла, каково это – чувствовать мужчину так близко. А возможно, она и вовсе никогда этого не знала. И не находилась ни к одному из них так близко, в такой неформальной обстановке.

Кроме одного раза.

Четыре года назад. В Дувре. В объятиях мужчины посреди пьяной толпы. Он поцеловал ее. А затем она стояла в конюшне рядом с мужчиной и была в ужасе от того, что ее скоро поймут, в ужасе от неотвратимой судьбы, нависшей над ней. Она чувствовала его рядом. Властного, сильного. Она никогда этого не забудет.

И при этом они даже не касались друг друга обнаженными частями тел, потому что были полностью одеты.

Она оттолкнулась от поручня лестницы и шагнула вперед, вдыхая воздух, наполненный мужскими ароматами.

Белла все еще находилась среди толпы, но ее уже никто не касался. Слава богам, никому не приходилось больше прижиматься к ней так близко. Она направилась к входной двери, а затем развернулась, чтобы увидеть сцену, какой ее видят прибывающие в дом люди.

Ах...

Она никогда не бывала в Италии, но здесь все было именно так, как она себе представляла. На бутафорских каменных стенах виднелись расписные окна и балконы, на которых были нарисованы люди. Они были написаны так искусно, что выглядели совсем как живые. Темная ткань, прежде закрывавшая ей часть обзора сверху, создавала впечатление ночного звездного неба. Она услышала новые запахи. Это были травы и другие ароматы. Невозможно было определить, какие именно, но они наводили на мысли о чужой земле.

– Абсурд, не так ли?

Белла вздрогнула и повернулась на голос – за ее спиной стоял молодой человек в крестьянской одежде. На нем была туника длиной до колен из грубого домотканого полотна и

коричневые лосины. Темная щетина, растрепанные седоватые волосы... а его маска... это была просто узкая тряпка, обернутая вокруг головы и оставлявшая лишь узкую щель для глаз.

Она могла бы принять его за дерзкого слугу, если бы не властный голос. Очевидно, он был господином, причем такого статуса, что мог позволить себе явиться в столь смелом образе римского раба.

Он ждал ответа, удивляясь ее молчанию.

Она быстро продумала, как ей следует ответить: утомленным тоном или одобрительным, и предпочла выбрать искренний.

– Я думаю, это прекрасно. Интересно, в Италии действительно все именно так?

– Это лишь театральные декорации. Но вы считаете, что Айторн достаточно хорошо подготовился к празднику?

– Я сомневаюсь, что герцог делал это самостоятельно.

Собеседник усмехнулся.

– Как верно замечено. Слуга, сделай это! А ты, раб, сделай то!

Тон незнакомца подсказал ей, что он так же, как и она, является противником праздных богачей и их увеселений.

Возможно, то же самое привлекло его и в ней.

– Очевидно, мы родственные души, – сказал он. – Потанцуем?

Будь это просьбой, он бы просто предложил ей свою руку. Но вместо этого он схватил ее и потащил обратно к лестнице.

Первым инстинктивным порывом было сопротивление, но Белла все же пошла. Ей необходимо было стать невидимкой до тех пор, пока не начнутся развратные действия, а дама с партнером будет менее заметна, нежели одна. И она не могла отрицать, что с удовольствием потанцевала бы... еще хотя бы раз... Прошло столько времени...

Как она и предполагала, когда у нее появился эскорт, другие мужчины перестали ее беспокоить. Конечно, леди должна иметь возможность спокойно ходить без сопровождения, не переживая за свою репутацию, но в данный момент сердце Беллы это не волновало. Оно было в смятении.

Нет, этого не может быть. Что за странное чувство? Она будто стояла на краю пропасти, и все потому, что сильная мужская рука держала ее руку в своей. Когда в последний раз мужчина держал ее за руку, причем, без перчаток, кожа к коже?

Возможно, четыре года назад, предположила Белла, на каких-то сельских танцах. Или, может быть, когда Кокси и Найскорт заставили ее сесть в карету?

– О чем печалишься, милая нимфа? – спросил ее спутник.

Белла поняла, что они поднялись на самый верх по лестнице, и нахмурилась. Он не должен был заподозрить, что она самозванка, поэтому быстро улыбнулась и ответила:

– Мне не нравится давка, сэр, она не позволит нам побыстрее добраться до бального зала. А я очень люблю танцевать.

Он взглянул на толпу, преграждавшую им путь.

– Должен ли я приказать им всем разойтись?

– А вы Моисей? Но на вас же костюм раба.

– Всего лишь бедный пастух, отпущенный с моей одинокой вершины поиграть. Но если бы мы представили, что все эти люди – козы, я бы знал, как ими управлять.

– Козы? На Олимпийских гуляниях?

– Аристократические козы – все равно козы. Только и слышно, как они блеют.

Белла засмеялась.

– Боже мой, сэр! Боюсь, вас ждет печальный конец.

– Отправят меня обратно на мою гору? Или вынудят бежать из страны, как бедного Уилкса? Не бойтесь, я не настолько глуп, чтобы печатать свои непочтительные мысли. А вы?

У Беллы перехватило дыхание. Неужели она так легко попалась?

– Какие неуважительные мысли могли бы у меня возникнуть? – спросила она.

– О праздном Айторне, например. У него наверняка есть подземелье, очень глубокое, где он занимается всяким непотребством.

– Более чем уверена в этом. Я слышала, что он повеса самой низкой пробы.

Ее спутник улыбнулся.

– Герцог не может быть низкой пробы, милая нимфа.

– Возможно, не в этой жизни...

– Ах, вы предвидите то время, когда все мы разделимся на овец и козлов. Несправедливо по отношению к козлам делать их приманкой для дьявола, вы со мной согласны?

– Абсолютно, – ответила Белла, наслаждаясь безобидным подшучиванием, невзирая на голос разума. В доме леди Фаулер ей крайне не хватало остроумной беседы. – Вы обещали мне танцы, сэр. Разве вы не человек слова?

Она почувствовала себя собой – Беллой Барстоу, не терпящей возражений.

– Тогда пойдемте же. – Он обхватил ее рукой за талию и повел вперед. Белла почувствовала себя бессильной, как будто он завладел ее волей.

Как будто по его приказу она пойдет куда угодно.

Как безмозглая овца.

Ни один мужчина прежде не обнимал ее так властно, и она почувствовала его прикосновение через все слои одежды. Словно по волшебству, все расступились, освобождая им проход, и ей показалось, что его рука прижалась к ее обнаженной коже.

Неважно, был ли он высокого или низкого происхождения, Белла поняла, что связалась с негодяем, который не знал, что такое сдержанность. Мудрая женщина отвергла бы его, но ей так хотелось танцевать.

Они пробрались сквозь толпу в бальный зал, который был украшен мраморными колоннами, а расписной позолоченный потолок сверкал в свете сотен свечей. В центре длинного зала вереница гостей в костюмах танцевала под мелодию «Майская леди».

Незнакомец посторонился, чтобы другие могли войти, и Белла нашла в себе силы освободиться от его руки.

Он позволил это, на его красивых губах появилась улыбка.

– Какая вы нимфа, моя прекрасная? По вашим звездам я бы предположил одну из плеяд. И по звездам на ваших ногах тоже, – заметил он тоном, от которого у Беллы задрожали колени.

– Келено, – быстро ответила Белла. – А у тебя есть имя, пастушок?

– Я слишком ничтожен, чтобы мне давали имя. У вас черные волосы, – заметил он, смело коснувшись длинного локона на ее плече. – Келено – темная фурия?

Как могло прикосновение к парикку заставить ее вздрогнуть?

– Или Келено из амазонок, – заметила она, отмахнувшись от его руки. Она основательно подошла к изучению своего персонажа. – Остерегайтесь, сэр. У меня может быть припрятан лук и стрелы.

– Возможно, мне следует обыскать вас. Чтобы исключить опасность для моих коз.

– Я думаю, не стоит!

Он протянул руку, чтобы коснуться ткани, покрывающей ее правое плечо, и на мгновение ей показалось, что он действительно попытается это сделать. Но затем он вздохнул.

– Вы правы. Но вы загадка, Келено. Тайна, завернутая в многослойную маскировку. Я должен разгадать вас. Но ночь еще не наступила, и время еще есть.

– Время? – спросила она, стараясь не дышать.

Она уже встречала дерзких мужчин, но подобного – никогда. Хотя Белла старалась не показывать этого, но она была в восторге до самых кончиков пальцев. Он флиртовал с ней самым восхитительным и порочным образом. И она флиртовала в ответ.

Сколько времени прошло?

Четыре года.

Целая вечность.

– Время, чтобы снимать слой за слоем вашу одежду, пока мы не доберемся до истины, – сказал он.

– Как мою, так и вашу? – Это был инстинктивный ответный ход, она постаралась дать отпор, но он лишь усмехнулся, и Белла поняла, что ее провокационный ответ был очень глупым.

– Конечно, – сказал он. – Приступим?

Снова прикосновение, но на этот раз он быстро провел пальцем по ее спине.

– Нет, – сказала она, отступая назад, но уперлась в стену позади себя.

– Мы могли бы найти более тихое место...

Белла почувствовала, что ее глаза расширились. Он предлагал именно тот скандал, разоблачить который она и пришла сюда. А она, как это было ни прискорбно, поддалась искушению!

– Сначала танцы, – быстро сказала она.

Позже она ускользнет от него.

– Мудрая Келено. – Он улыбнулся, полный предвкушения. – Медленный темп – больше удовольствия, не так ли? Пойдемте.

На этот раз он протянул руку, а не потащил ее против воли. Белла знала, что мудрая Келено обязательно найдет предлог, чтобы сбежать, но сейчас вложила свою руку в его.

– Вы действительно любите танцевать, не так ли?

Подпрыгивая в такт музыке, Белла не пыталась отрицать этого и побежала вместе с ним в конец шеренги, чтобы влиться в танец.

Когда они встретились посередине зала и посмотрели друг на друга, он сказал:

– Кажется, я вас знаю.

Несмотря на зарождающуюся панику, Белла улыбнулась, но, когда она вихрем помчалась к следующему партнеру, ее встревоженный разум начал предчувствовать опасность.

Может ли этот пастух быть тем, кого она встретила четыре года назад? Она была уверена, что он не был ни одним из ее деревенских соседей, да и какой лондонский красавец вспомнил бы ее, увидев лишь раз? И все же... все же она почувствовала, что в нем есть что-то смутно знакомое.

Где она могла его видеть?

Когда?

Его щетинистые щеки... а это такая редкость среди джентльменов...

Она не могла понять, что за мысль не давала ей покоя. Даже когда она улыбалась и флиртовала с другими джентльменами. Если он узнает ее, это будет катастрофа!

Узнал ли он в ней Беллу Барстоу или Беллону Флинт? Но это было практически невозможно – узнать Беллону в этом костюме, тем более что Беллона не вращалась в высшем обществе.

– И кто же вы, хорошенькая горничная?

Белла вздрогнула и уставилась на мужчину, с которым позволила себе так бездумно общаться. Она собралась с духом, чтобы не показать свое волнение.

– Это вам и предстоит угадать, сэр.

– Амелия, – предложил он.

Не имея ни малейшего представления, кто такая Амелия, но покачала головой и танцевала дальше, удивляясь, почему она не согласилась с его предположением и не покончила с расспросом. Вместо этого она готова была назвать ему свое настоящее имя и пойти с ним куда

угодно. Какой опасный человек! И ему показалось, что он узнал ее. Как только танец закончится, она должна ускользнуть.

Пока что она украдкой поглядывала на него, оценивая опасность.

Их глаза часто встречались.

Почему он так пристально на нее смотрел? Не слишком ли сильно он ломал голову, пытаясь выяснить, где они встречались?

Был ли он одним из приближенных леди Фаулер? Нет. Те немногие мужчины, которые поддерживали ее, были священнослужителями и учеными. Пастух был слишком порочен. Он не упускал возможности пофлиртовать с каждой женщиной, мимо которой проходил в танце. Конечно, она делала то же самое, но все ради благородной цели.

Белла с сожалением отмечала реакцию дам на его флирт – глупые, все до одной, и молодые, и старые. Она слышала о мужчинах, способных превратить ум женщины в воду, и теперь встретила такого лично.

Да и сама некоторое время вела себя как дурочка.

Надо заканчивать с этим. Она наблюдала за своими партнерами и искала в их действиях разврат. Конечно, ей попадались мужчины, которых можно было назвать порочными, например, упитанный сенатор, который слишком тесно прижимался к ней в танце, или худощавый, который воспользовался поводом, чтобы дотронуться до ее груди. Или этот, волосатый, с влажными губами, который так обильно потел, что его тога вся насквозь намочила.

Длинные окна были открыты, но, несмотря на сентябрь, было не по сезону тепло, и не было даже малейшего прохладного ветерка. Белла вернулась, чтобы потанцевать с пастухом, и сказала:

– Как здесь жарко. – Она увидела лукавый огонек в его глазах и поспешила перевести тему, чтобы не нарваться на распутное замечание. – Благо, что мы все легко одеты. Этот костюм, определенно, идеально подходит для танцев. Представьте себе, каково танцевать в такую жару в слоях юбок и шелка.

– Или в костюме из расшитого бархата, – согласился он.

– Пастух в бархате? – поддразнила она.

– А разве богини потеют? – бросил он в ответ.

– Но я нимфа...

– А нимфы, как известно, капризны.

– А пастухи... – Но она не смогла придумать, что ответить.

– Пастухи развратны, – предложил он. – Возможно, это заразно. О, дорогая, – добавил он, слегка сжав ее руку, – мы все больны.

– Тогда вы заразили всех своих партнерш по танцу, сэр.

– Келено! Вы меня шокируете. Но вы так соблазнительны...

Он ловко вывел их из танцевального зала через открытые двери на залитую светом террасу. Здесь было прохладно – а из-за ее влажной от пота кожи почти холодно, – и в ней вспыхнул огонь тревоги.

Она хотела вернуться, но он сказал:

– Вам холодно? – Он наклонился к скамейке, взял большую шаль, накинул ей на плечи, а затем притянул к себе.

Белла попыталась упереться руками в его грудь, чтобы придержать, но опоздала. Еще мгновение назад она танцевала, а теперь оказалась прижатой к его телу в облегающей одежде.

– Играете в горячо-холодно? – спросил он.

– Играете в пастуха? Отпустите меня!

Он засмеялся, а затем поцеловал ее. Все произошло очень быстро, и через несколько мгновений одна его рука уже лежала на ее талии, а вторая – на затылке. Он целовал ее снова и снова, умело, дразня ее рот. Она почувствовала, как его язык проникает внутрь ее губ...

Хоть Белла и пыталась сопротивляться, но ее истомившаяся по ласке часть, которая когда-то танцевала и флиртовала, воспряла ото сна. Когда-то ее и целовали тоже, и ей это нравилось. Но так ее не целовали еще никогда. И прежде она не чувствовала ничего подобного.

Она была опустошена.

Напугана.

Нет!

Белла отвернулась и яростно оттолкнула его.

Он не сопротивлялся, напротив – на его лице мелькнула улыбка. Его глаза блестели, и он снова схватил концы шали и притянул Беллу к себе.

– Немедленно пустите!

Она хотела закричать, но из-за того, что дыхание было прерывистым, получился лишь вздох. Она лихорадочно ожидала его драматического ответа.

Но он отпустил уголки шали.

Она укуталась в нее, чтобы скрыть голые руки, плечи и свое разочарование.

– Не стоило этого делать.

– А вам не стоило приходить на гуляния.

– Так вот что это за мероприятие? Где на юных леди нападают за то, что они играют роль?

– Такое происходит на любом маскараде, конечно, если дама тоже хочет поиграть.

– Я не...

– Если мой поцелуй оскорбил вас, прошу прощения, но вы не выглядите слишком оскорбленной, моя очень сладкая и вкусная нимфа.

Белла сглотнула. Врожденная честность заставила ее признаться себе, что он был прав. И какая-то наивная ее часть снова хотела упасть в его объятия.

Она нашла в себе силы снять с себя шаль и бросить ее обратно на скамью с, как она надеялась, непринужденным видом.

– Приятное короткое развлечение, пастух, но я должна вернуться в высшие круги.

– Не доверяйте сенаторам и богам. При всем их августейшем блеске, они такие же люди, как и я. Если вы так невинны, как я предполагаю, то будет лучше, если я буду сопровождать вас на гуляниях.

Он явно что-то заподозрил. Белла вспомнила его предположение, что они могут быть знакомы. Она пыталась распознать его мимику, но свет ламп здесь был тусклым, несомненно, специально.

– Если я позволю вам это, – сказала она, – вы узнаете, кто я такая.

– Вы же не думаете, что сможете вечно скрываться?

– Я могу попробовать.

Его чувственный рот изогнулся в искренней улыбке, на щеках появились ямочки.

– Я все равно узнаю, не сомневайтесь.

Белле захотелось улыбнуться в ответ, но она лишь вздернула подбородок.

– Я так не думаю.

– Это просто вопрос времени. Я уже чувствую, что знаю вас.

– Вряд ли.

– Значит, вы недавно приехали в город?

– Вы больше не получите от меня никакой информации, пастух.

Дольше оставаться с ним наедине означало подвергать себя опасности, поэтому Белла сказала:

– Прощайте, – и проскользнула обратно в бальный зал.

Белла быстро пробралась сквозь танцующих, не обращая внимания на возражения, в надежде, что он не последует за ней. Когда она достигла дальней двери, то оглянулась. В глу-

бине души она надеялась, что он уже близко – вот-вот снова схватит ее и ввергнет в еще большее безрассудство, – но здравомыслие, к счастью, все еще было с ней.

Она почувствовала укол досады, когда увидела, что он все еще стоит в дверях на террасу и, похоже, потерял к ней всякий интерес. Пастух разговаривал с седовласым мужчиной в простом халате.

«Какая же ты глупая! Видишь, эта встреча и поцелуй ничего для него не значат». Белла была удивлена его отстраненным видом и решила задержаться и понаблюдать за ним.

Кто же на самом деле этот пастух? Планирует ли он убить герцога или поджечь дом? Если это так, она должна что-то сделать, чтобы помешать этому.

Пастух посмотрел через всю комнату прямо на нее. Она могла поклясться, что его глаза под маской расширились. Неужели он прочитал ее мысли? Испугавшись, она повернулась, чтобы выйти из комнаты, но группа людей преградила ей путь, и пришлось отступить.

Белла бросила быстрый взгляд на пастуха.

Он не двигался с места и все еще смотрел прямо на нее.

Белла снова повернулась, чтобы попытаться сбежать, но заметила, что некоторые люди смотрят на нее. Внимательно. Маски скрывали их лица, но пристальный взгляд казался жажущим чего-то.

Признали самозванкой? И теперь собираются разорвать ее на части?

Одинокое стоящая женщина оглядела ее с ног до головы и скривила губы. Боже, неужели незнакомец порвал ее платье и оставил в непристойном виде? Белла оглядела себя – все было в порядке, даже звезды на ее ногах. Но что-то было не так, и она не знала, что именно. Глаза застилала пелена паники, и Белла проскользнула сквозь толпу. Затем поспешила направо, стараясь не выглядеть, как преступница, спасающаяся от правосудия. Она понятия не имела, куда идет. Молилась лишь о том, чтобы найти тихое место, где можно было бы собраться с мыслями.

Затем она услышала шипение:

– Скандал!

Это было как удар в спину ножом. Белла вздрогнула. Обернувшись, она поняла, что никто не смотрит на нее. Три греческие богини полушепотом переговаривались, по всей видимости, сплетничали, и улыбались от радости, глядя на разрушенную репутацию.

Белла еще раз осмотрелась, но поблизости никого не было.

Ее мысли прояснились и дыхание успокоилось. Возможно, ей не грозила никакая опасность. А скандал – это то, ради чего она здесь.

Она наклонилась, как будто ей нужно было поправить ремешок на сандалии, прислушиваясь к шепоту.

– ...тепленькими, прямо на месте преступления, дорогая. Абсолютно точно!

– Но кто?

– Грандистон, я слышала.

Хихиканье.

– Ох, я не удивлена. Он такой соблазнительный в этих древних доспехах...

Грандистон? Имя было смутно знакомо, но Белла не могла его вспомнить. Был ли он настолько важен, чтобы стать героем письма леди Фаулер? И кто была его спутница?

Одна из женщин, должно быть, спросила то же самое.

– Психея Джессингем.

Белла знала это имя. Адюльтерная связь леди Джессингем с Айторном обсуждалась у леди Фаулер, но не была включена в письма. Леди Фаулер в молодости принудили к браку с отвратительным пожилым мужчиной, и она сострадала другим женщинам, которых постигла та же участь, даже если они согрешили.

Леди Джессингем теперь была вдовой. Но леди Фаулер осталась верна своим убеждениям, несмотря на то что ей очень хотелось разоблачить Айторна за нежелание жениться на женщине, чью репутацию он запятнал.

– Психея и Грандистон?

Голоса стихли, и Белла прислушалась. Неужели леди Фаулер все еще отказывается использовать в своих письмах скандал, связанный с этой леди?

– Она так и не научилась благоразумию, – сказала одна из женщин. – Так что же именно было замечено?

Еще ропот, потом:

– Она была очень растрепана, – со значением сказала вторая. – Платье порвано спереди. Белла вдруг поняла, что три женщины смотрят на нее холодными глазами.

Она улыбнулась и поспешила прочь, уловив еще одно слово.

– Ротгар...

О боже! Неужели великий маркиз тоже замешан в этом? Время, проведенное с леди Фаулер, не прошло зря: Белла узнала много скандальных сведений. Например, то, что мужчины иногда делят одну несчастную женщину. Это определенно отличная история для письма леди Фаулер. О, бедная жена лорда Ротгара... Беременная и вынужденная принять в свой дом его взрослую внебрачную дочь!

Она должна узнать больше. Где произошла эта скандальная встреча с Грандистоном?

Глава 7

Торн стремительно продвигался сквозь толпу, стараясь не показывать своей спешки, – большинство людей узнавали его, и он не хотел вызывать у них тревогу. Он также пытался скрыть свой гнев, но злился лишь на самого себя. Вместо того чтобы следить за событиями и присматривать за королем, он ускользнул из зала, чтобы поиграть с очаровательной нимфой-амазонкой на террасе. В итоге он пренебрег своим долгом и не успел предотвратить скандал.

Торну пришлось позволить Келено ускользнуть, не раскрыв своей личности, черт возьми, но сейчас это было неважно – на горизонте замаячило осиное гнездо, которое требовало его внимания. Кристиана застали в одной из частных комнат дома с какой-то женщиной, и застала его сама Психея Джессингем. Та, которая надеялась заполучить Кристиана в мужа, поэтому ее негодующий крик поднялся до небес.

Торн отдал должное Кристиану за то, что тот додумался использовать для встречи дальнюю комнату, но в любом случае ему не удалось остаться незамеченным. Он в своем уме? И это после того, как уже обжегся из-за связей с проблемными женщинами. Помимо Психеи, были еще две: в шестнадцать лет он по глупости женился на йоркширской девушке с неблагозвучным именем Доркас Фроггат. Он считал ее мертвой, но недавно узнал, что она жива. Разыскивая ее в надежде на аннулирование брака, он влюбился в госпожу Хантер, но она сбежала от него, узнав, что он женатый человек.

Вдобавок ко всему, послание о произошедшем скандале, которое получил Торн, покидая террасу, ему передали от маркиза Ротгара...

Торн был готов схватить китайскую вазу с первого попавшегося стола и швырнуть ее в стену.

– Сэр.

Торн обернулся и увидел римского солдата, судя по виду, в любой момент готового произвести арест.

– Вас спрашивают, – сурово проговорил мужчина.

Торн выругался про себя и повернулся обратно к пирующим: он не мог проигнорировать приглашение короля.

Король Георг нарядился в простую тогу, пытаясь смешаться с толпой. Разумеется, ему это не удалось. Все знали, что лучше не кланяться, не делать реверансов и никак не подавать виду, что его узнали. Но это было трудно для людей, приученных к придворным манерам с колыбели.

Торну все же удалось сдержаться и не поклониться королю, и он проговорил:

– Я узнал, что произошла небольшая неприятность, сэр. Приношу свои извинения.

– Очень неприлично, – ответил король, но при этом казалось, что он пребывает в хорошем расположении духа. – Супружеская пара, да?

Супружеская пара? Торн скрыл удивление и склонил голову в знак признания житейской мудрости.

– Сила супружеской привязанности, сэр.

– Я это понимаю, ведь я и сам счастлив в браке! Могу ли я надеяться, что вскоре и ты последуешь моему примеру, Айторн? Благородный род, и ты – единственный наследник, да?

Привычка короля добавлять «да» в конце почти всех его высказываний вызывала у Торна желание ударить его по лицу, но в данный момент Торн просто хотел закрыть эту тему во избежание проблем.

– В надежде когда-нибудь стать таким же счастливым, как и вы, сэр, – сказал он, – я очень внимательно выбираю будущую жену.

– Пусть тебе помогут твои друзья, да? Как когда-то мне помогли мои, да?

«Пока жаловались на внешность и манеры Шарлотты Мекленбург-Стрелиц», – вспомнил Торн. В то время Георг был увлечен хорошенькой Сарой Леннокс. Но сейчас король и королева выглядели по-настоящему влюбленной парой, что еще более подталкивало Торна к тому, чтобы заключить рациональный брак.

– Я обязательно прислушаюсь к вашему совету, сэр. Но пока, если вы не против...

Король махнул рукой, и Торн проследовал на прежнее место, размышляя о том, почему предупреждение пришло от Ротгара. Неужели это он устроил этот скандал? А затем позаботился о том, чтобы король узнал об этом, надеясь обвинить хозяина гуляний?

Торн принимал их с Ротгаром соперничество не более чем за политические игры, но все же задавался вопросом: будет ли Темный маркиз использовать любые средства, чтобы уменьшить влияние Торна на короля?

Приближающийся секретарь Торна Оверстоун был серьезно настроен, а его тога явно была ему неудобна. Торн приостановился, чтобы узнать новости.

– Согласно слухам, сэр, это лорд Ротгар зарубил скандал на корню, заявив, что пара состоит в браке. Кто-то в это поверил, но леди Джессингем решительно все отрицает. Она весьма невысокого мнения о той леди. Должен ли я поддерживать историю о супругах, сэр?

Торн быстро подумал.

– Пока нет, но и отрицать не стоит. Будь спокоен.

Торн поспешил по безлюдному коридору, готовый к любому развитию событий.

То, что он обнаружил, было просто поразительно. Кристиана действительно застигли врасплох во время страстной встречи, но с женщиной, которая на самом деле является его женой – Доркас Фроггат. Он пытался уйти от нее и аннулировать брак. Неприятно быть пойманным в столь компрометирующем положении. Но, как выяснилось, Доркас и миссис Кэт Хантер, в которую был влюблен Кристиан – одна и та же женщина.

Любовь! Нет ничего хуже, чем разрушить жизнь человека. Особенно после того, как Доркас, Кэт или кто бы она там ни была, обвинила Кристиана в том, что он скомпрометировал ее, чтобы заставить стать его женой.

Чем бы ни закончилась к концу ночи эта запутанная история, Торн твердо решил завтра же отправиться в Маллорен-хаус, чтобы встретиться с маркизом Ротгаром и выступить в защиту своего молочного брата.

Ротгар, будь он проклят, недаром оказался в самом эпицентре этого скандала. Жена Кристиана, как выяснилось, была йоркширской подругой жены маркиза и гостьей Маллорен-хауса. Ротгар привел ее на гуляния, уже зная всю правду. Он утверждал, что у него благородные намерения, но Торн в этом сомневался. Скандал мог наложить на Торна позорный отпечаток, и король был бы крайне недоволен.

Однако если Ротгар решился намеренно использовать Кристиана в качестве оружия для политического соперничества, то их ситуация могла перерасти в открытую личную вражду.

Когда Торн наконец добрался до своей постели и увидел небо, озаряемое предрассветными отблесками, его мысли снова вернулись к Келено.

Была ли она на самом деле фурией, наложившей на него проклятие?

Белла вернулась в свой маленький арендованный дом, когда часы пробили три ночи. Две молодые служанки встретили ее так, словно она только что выбралась из змеиной ямы. Возможно, они были правы.

– Мисс Белла, мы так боялись за вас! – вздохнула Энни Йелланд, все еще худенькая, несмотря на то, что уже несколько месяцев хорошо питалась.

– Как все это порочно! – заявила ее сестра Китти, которая при таком же питании расплелась и стала пышногрудой красавицей.

Когда Белла впервые увидела их, они выглядели одинаково – худые, бледные и испуганные. Китти, старшая сестра, была на дюйм выше Энни, но все равно невысокая. Волосы у Китти были рыжими, как беличий мех, а у Энни – коричневыми, похожими на мышиный окрас. У Энни кожа была лучше, а карие глаза – больше.

– Это было ужасно шокирующе? – спросила Китти.

– Нет, не сказала бы, – ответила Белла, немного утаивая правду. Она не хотела поощрять пристрастие Китти к сплетням.

Белла предпочла бы вообще не вмешивать девочек в это дело, но скрываться не представлялось возможным. Китти обучалась работе горничной, а Энни – кухарки, но они все делали вместе. Если Китти нужно было починить что-то для Беллы, она брала свою корзинку с шитьем на кухню, а не оставалась в спальне Беллы, как ей следовало бы.

Вот и сейчас они встречали ее снова вместе, несмотря на то что только в обязанности Китти входила помощь Белле в переодевании. Белла разрешала Китти поспать подольше, так как и сама вставала поздно, но мисс Пег Гуссидж с первыми лучами солнца ждала Энни на кухне. Сейчас не было смысла делать из этого проблему. Возможно, Энни со временем сама поймет, как следует себя вести.

Белла поднялась в свою спальню вместе с Китти, а Энни поспешила на кухню за горячей водой для умывания. Китти настояла на том, чтобы помочь Белле раздеться, хотя в этом не было особой надобности: свободное платье было не так трудно снять. Энни пришла с кувшином воды и наполнила фарфоровую чашу за ширмой для переодевания. Белла помылась и настояла на том, чтобы сестры поспешили лечь спать.

Китти и Энни были настоящими сокровищами, Белле очень повезло с ними.

Когда Белла и мисс Пег приехали в Лондон и поселились в этом доме, они решили, что Пег полностью займется хозяйством. Но на кухне все же требовалась помощь, а Белле нужна была личная горничная. А также кто-то для более тяжелой работы – мужчина или мальчик. Пег и Белла, поразмыслив, решили, что будет лучше нанять крепкого мальчика, а не мужчину, с учетом того, что он будет жить в доме. Будучи благодарной судьбе за свою удачу, Белла решила сделать благое дело.

В работном доме было жутковато. Она обнаружила, что большинство обитателей были пожилыми людьми или младенцами. Здоровых детей отправляли на работу в возрасте шести лет. Однако она заметила одного крепкого паренька, который лежал на матрасе в середине дня.

– Он вам не нужен, мадам, – сказал надсмотрщик, стягивая грязное одеяло с мальчика, которому на вид было около десяти лет. – Мы нашли для него хорошую работу на конюшне, но там он получил травму. Рано или поздно эта рана убьет его...

Белла боялась, что это правда, но грустные глаза мальчика тронули ее. Кроме распухшей, гноящейся ноги, он выглядел вполне крепким. Опасаясь, что зря ведет себя как мягкосердечная дура, она все же спросила его имя – Эд Грейндж, а затем наняла телегу, чтобы довезти его до своего дома. Телега была необходима потому, что Белла не могла представить, как она сумеет затащить его в карету. Он был грязным и таким больным.

Пег Гуссидж была потрясена отзывчивостью Беллы и принялась выхаживать мальчика: ваннами, хорошей едой и деревенскими снадобьями.

Из-за больного ребенка поиск служанок стал еще более срочным, поэтому Белла стала искать их через сторонников леди Фаулер и поговорила с викарием церкви Святой Анны. Именно он рассказал Белле о печальной судьбе сестер Йелланд.

– Проживали они со своим овдовевшим отцом, мисс Флинт. Угольщик, но достойный человек. Возможно, он слишком оберегал их, для своего и их спокойствия. Если бы они научились какому-нибудь ремеслу или пошли на службу, они были бы сейчас в лучшем положении. Прошлой зимой он упал и сломал спину. Девочки ухаживали за ним с любовью, но шесть недель назад он умер, и скромные похороны отняли у них последние деньги. Энни и Китти

скрывали свое положение от всех, даже от меня, потому что страшно боялись работного дома. И не зря, не зря...

– Да, это правда... – сказала Белла. – Сколько им лет?

– Говорят, что Китти шестнадцать, а Энни пятнадцать, но я не могу быть в этом уверен. Они уже слишком взрослые, так что их уже не принимает большинство благотворительных организаций, понимаете, и, как я уже сказал, не обучены никакому ремеслу. Но они содержали дом своего отца в порядке, и я не замечал за ними ни болезни, ни слабости. Если вы будете к ним добры и дадите хорошую пищу, они скоро всему обучатся и станут усердными работниками, они хорошие девочки.

Более разумная женщина ни за что не согласилась бы на это, но Белла навестила девочек в их крошечном домике. Он был аккуратным и чистым, но в нем не осталось уже ничего, что можно было бы продать, а девочки были худыми и бледными. Она должна была найти помощниц для работы по дому, а не заниматься благотворительностью, но Белла не смогла бросить сестер Йелланд так же, как не бросила Эда Грейнджа умирать в рабочем доме.

Назвавшись Беллоной Флинт, она не стала жестче, и, несмотря на заточение в Карскорте, в ней появилась мягкость по отношению к несчастным. Мягкость, которой не было в Белле четыре года назад...

Несмотря на физическую слабость, сестры охотно взялись за работу, возможно, думая, что если они будут плохо работать, то их выгонят. В течение нескольких дней Эд тоже делал всю работу, которую мог, сидя на своем матрасе на кухне, а через неделю уже ковылял на костыле. Теперь они все были надежными помощниками, и Белла благодарила их за это каждый день.

Белла знала, что сможет сделать для них больше.

Энни превратилась в хорошую кухарку, а Китти – в весьма умелую горничную, но Белла не хотела останавливаться на этом. Они обе были умными девочками, и она уже научила их и Эда читать, писать и занималась с ними арифметикой. Если через несколько лет Белла откроет для них свое дело, они смогут стать независимыми женщинами, как и она сама.

Возможно, кондитерскую или чайную. Или галантерею. Все, что угодно, лишь бы им не пришлось из необходимости выходить замуж. За время, проведенное с леди Фаулер, Белла поняла, что для многих женщин опасности, связанные с замужеством, намного перевешивают любые преимущества. Но быть одинокой, без семьи и дохода – это тоже тяжелая участь.

Насчет обустройства жизни Эда Белла не переживала. Ему требовалось только хорошо учиться.

Переодевшись в ночную рубашку, Белла с тоской посмотрела на свою кровать, и, несмотря на сильную усталость, села за письменный стол, чтобы записать события прошедшей ночи. Увы, скандал оказался разочарованием, да и в общем-то не был секретом. Весь маскарад сплетничал о лорде Грандистоне и его жене, поскольку, похоже, сам их брак был тайной.

Она не заметила ничего, кроме пьянства и распущенности.

Белла узнала, что король присутствовал только после того, как он уехал. В любом случае она не стала бы писать про это, поскольку леди Фаулер считала его воплощением добродетели, надеждой на исправление нации. Разум бедной леди был и без того в плохом состоянии. Разочарование могло вызвать припадок.

Белла нервно покусывала кончик пера, хмурясь и думая о леди Фаулер. Пора было покинуть это общество, но куда ей было идти? Мысль о том, что она может остаться одна в этом мире, приводила ее в ужас. Она также не решилась бы оставить более слабых членов сообщества на произвол леди Фаулер и радикальных наклонностей сестер Драммонд.

Белла потеряла лоб, пытаясь сосредоточиться на письме, но ни глаза, ни разум не слушались. Все ее мысли были заняты злым пастухом, слабо освещенной террасой и удивительными поцелуями.

Она встала и поправила ночную сорочку. Нельзя быть такой наивной и восприимчивой к соблазнительным чарам негодяя!

Белла провела грелкой по кровати, затем убрала ее в сторону и забралась под одеяло, пока там было еще тепло. Идеально. Она устроилась поудобнее, отгоняя мысли о всяких глупостях. Но внезапно далекие воспоминания ожили в ее памяти.

Последний бал-маскарад, на котором ей довелось побывать, был в поместье Векстейбл, недалеко от Карскорта. Но там был более скромный прием. Все друг друга знали, но притворялись, что не узнают, играя свои роли. Тогда она ускользнула с...

О, кто же это был? Том Фицменерс или Клиффорд Шпик? Наверняка это был Том. Она помнила, что тот благовоспитанный джентльмен был всего на несколько лет старше ее и сильно нервничал, оказавшись наедине с молодой леди. А когда дошло дело до поцелуя... Он, конечно, был большим неумехой в этом.

Она улыбнулась, вспоминая тот вечер. Какой же шалуньей она была!

Больше всего в те времена она любила танцевать.

Тогда так много танцевали – на балах и собраниях, а иногда экспромтом – то в одном доме, то в другом. Мебель отодвигалась, ковры сворачивались, кто-то начинал играть на клавишине или верджинеле.

Четыре долгих года без танцев, флирта, даже намека на поцелуи... Она не понимала, как сильно ей этого не хватало... До сегодняшнего вечера.

Почему она так запаниковала? Из-за порочного пастуха или собственной лихорадочной реакции на его прикосновения? Реакции, которая вырвалась наружу так яростно, словно она жаждала этого уже давно.

Белла не хотела терять свою свободу и выходить замуж, но и отрицать, что ей нужен мужчина, тоже не могла. Молодой, красивый, порочный и искусный в любви.

Она перевернулась и зарылась головой в подушку, будто это могло помочь ей забыть обо всем. Но разум не поддавался, и воспоминания о тех мгновениях снова и снова вихрем проносились в ее голове.

Эти глаза, захватившие ее в плен... и шелковистая шаль, которой он притянули ее к себе – стройному, подтянутому и горячему... Их тела соприкасались, и между ними был такой тонкий слой одежды...

Такие горячие, не терпящие возражений, губы... Этот поцелуй был совсем не похож на поцелуй Тома Фицменерса.

Но немного похож на поцелуй капитана Роуза.

Она перевернулась на спину, и ее взгляд устремился в темноту. Она уже и забыла про это. Капитан Роуз тоже украл у нее поцелуй, но другого сходства не было, или... было?

Темная щетина? Пастух был небрит, потому что притворялся крестьянином; капитан Роуз – потому что был капитаном Роузом. Он, конечно, не крестьянин, но явно человек не того положения, чтобы присутствовать на Олимпийских гуляниях.

У них была еще одна общая черта: если бы Белла была настолько глупа, чтобы поддаться чарам таких мужчин, то они оба, определенно, смогли бы ее погубить.

Все в порядке! Она подбила подушку, чтобы придать ей более удобную форму. В жизни Беллоны Флинт не было места для безрассудной глупости, и лучше пусть все так и останется.

Глава 8

После бессонной ночи Белла поднялась позже обычного и сидела, подрёмывая, за завтраком. Она еще раз прокручивала в памяти воспоминания о празднике и отчаянно искала какой-нибудь сочный эпизод, о котором можно было бы рассказать леди Фаулер. Если она ничего не вспомнит, сестры Драммонд непременно воспользуются ее неудачей.

Но у нее ничего не получалось, и она решила, что с этим неприятным поручением лучше покончить. Она быстро переоделась в одно из скучных, практичных платьев Беллоны, подавив глупые воспоминания о том тонком платье с бала-маскарада, и о том, как мужчины реагировали на нее в обличье нимфы.

Белле не требовалась помощь в одевании, поскольку она по-прежнему носила самодельный утягивающий комбинезон вместо корсета, но она позволила Китти попрактиковаться в своем ремесле. Как обычно, Китти скорчила рожицу по поводу белья без лент, и, как обычно, Белла попыталась убедить ее в преимуществе такой простой вещицы.

– Вот, видишь! – сказала Белла, закончив одеваться всего за несколько минут. – А многие женщины тратят уйму времени на одевание и прическу.

– Поняла, мисс, – ответила Китти с явным неодобрением.

Китти совсем не радовал тот факт, что Белле приходилось выглядеть старше и непривлекательнее. Поэтому она всегда отворачивалась, когда Белла наносила на лицо свой крем, который делал ее кожу бледной, и темный тон, благодаря которому глаза казались впавшими.

Белла пожала плечами и приклеила маленькую бородавку на нос, а затем туго затянула волосы и спрятала их под простой чепец.

Она делала это уже несколько месяцев подряд и совсем не тревожилась по этому поводу. Но сейчас, посмотрев в зеркало, Белла скорчила рожу Беллоне Флинт. Прошлой ночью она была самой собой. Красивой женщиной. Взгляды мужчин говорили ей об этом... И не трудно было предположить, к чему это могло привести. Приколов маленький чепец к волосам, она сказала:

– Ну вот. И нет нужды думать о своих волосах весь день. Лучше потратить силы на более важные, более полезные дела. Надеюсь, ты продолжаешь читать, Китти?

Китти, застывая постель, ответила:

– Да, мисс. Я наполовину прочитала «Путь Пилигрима»⁹ и встретила очень много слов, значения которых не понимаю. Я их записала. – Она достала из кармана бумажку.

– Отлично, – сказала Белла, поднимаясь с кресла. – Я просмотрю их с тобой, как только вернусь домой. Мне нужно срочно ехать к леди Фаулер.

– Какой сегодня наденете плащ, мисс?

Белла взглянула в окно и увидела серое небо. Такое же, как и ее настроение.

– Коричневый, из шерсти, Китти.

Надев свои кожаные туфли, Белла и повернулась в сторону двери.

– Извините, мадам.

Белла обернулась.

– Да, Китти?

– Что мне сделать с вашим костюмом, мисс?

«Сожги его», – пронеслось в голове Беллы с такой силой, что она вздрогнула. Откинув эти мысли, она сказала:

– Спрячь его куда-нибудь. Вдруг я...

⁹ Д. Беньян «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну».

Белла поспешила выйти из дома, стараясь не думать о том, почему она так отреагировала. Но не смогла... потому что знала, что для нее этот костюм – напоминание о пламенном искушении.

Она предпочла бы не встречаться с Пег сегодня. Но пришлось, как обычно, выйти через кухню, поэтому Белла не смогла этого избежать.

Пег окинула Беллу недовольным взглядом и спросила:

– У герцога и правда роскошный дом? – Она что-то взбивала в миске.

– Великолепный.

Пег даже не пыталась притворяться, что не интересуется великими людьми и их укладом жизни. Она часто ходила к Королевскому дворцу, надеясь увидеть Их Величества на прогулке. Иногда ей это удавалось, и она возвращалась домой счастливой. Белла не могла лишиться ее таких интересных подробностей.

– Обустройство дома меня впечатлило. Колонны, руины, имитация площади с домами, а на балконах будто стояли люди. Я не бывала в Италии и не уверена, насколько точно все было воспроизведено, но другие гости, кажется, были под впечатлением.

– О, как бы я тоже хотела это увидеть!

– На бал были приглашены только представители высшего общества, – заметила Белла. – В справедливом мире он был бы открыт и для простых людей, по крайней мере, до или после основного мероприятия.

Она ожидала согласия в ответ, но Пег сказала:

– Не знаю, дорогая. Грязные сапоги запачкали бы хорошие полы и ковры. А грязные руки заляпали бы занавески.

– Больше работы для слуг, вы имеете в виду. – Белла не сдавалась. – Они могли бы постелить на пол ткань и не подпускать людей к занавескам.

– Но тогда все не было бы так шикарно, не так ли?

– Договорились! В следующий раз, когда я вознамерюсь вторгнуться на подобное мероприятие, то обязательно возьму тебя с собой.

– Вот черт, не получится! – воскликнула Пег. – Я ни за что не выйду из дома в таком виде! С вами там все было в порядке? – спросила она с обеспокоенным видом.

Белла взяла изюминку из миски и разделила ее на две половинки, чтобы вынуть косточку.

– Конечно, да. Хотя очень многие мужчины делали мне неподобающие предложения.

– Не сомневаюсь, что все они были такими же привлекательными, как и вы. Встретили кого-то подходящего?

– Пег! Я пробралась туда как шпионка. В любом случае ты знаешь, что я не интересуюсь мужчинами и не стремлюсь выйти замуж. – Белла прожевала и проглотила изюм.

– Я знаю, и это абсолютно неприемлемо.

– Если вас Бог одарил хорошим мужем, это не значит, что все они такие.

– О, опять та же песня. Идите по своим делам.

– О, опять та же песня, – бросила Белла в ответ и вышла из кухни.

В доме леди Фаулер все прошло именно так, как и ожидала Белла. Поведение лорда Грандистона было признано скандальным, поскольку, как все знают, пару застали в момент интимной близости, и леди Грандистон была в сильно потрепанной одежде. Но тот факт, что они женаты, делал этот скандал абсолютно бесполезным.

– Я узнала кое-что интересное о леди Джессингем, – сказала Белла, пытаясь выдать хоть что-то ценное. – Очевидно, она возлагала надежды на лорда Грандистона, не зная при этом, что он женат. Поскольку он молочный брат герцога Айторна, возможно... ну...

– Ну и? – спросила леди Фаулер.

Она лежала на фаэтоне перед камином в своей спальне. Леди Фаулер почти не выходила из комнаты, в которой было очень душно и жарко и присутствовал неприятный запах. Хелена Драммонд, старшая из сестер, с непроницаемым лицом сидела на стуле неподалеку, и огонь освещал ее густые рыжие волосы. Белла отдавала ей должное за стойкость.

Белла покраснела, когда произнесла вслух свои мысли:

– Возможно, они делили ее между собой.

Все присутствующие леди вздрогнули.

Когда Белла зашла в комнату, Мэри Ившем читала вслух. Несколько писем лежали у нее на коленях. Они, должно быть, пришли от сторонников леди Фаулер. Мэри приехала недавно. Это была женщина средних лет, сестра священника, оставшаяся без средств к существованию после его смерти. Белле очень нравилась эта тихая женщина, которую она считала очень понимающей, в глазах которой часто мелькали искорки задора.

Еще одна леди – Силия Поттерсби, худая, поникшая вдова, – никогда не рассказывала о причинах своей грусти.

В углу сидела крепко сбитая Агнес Гувер со своим шитьем. Она была горничной леди Фаулер уже целых тридцать лет. Женщина почти никогда ни с кем не говорила, но внимательно за всем наблюдала и все слушала, и часто выглядела так, словно ей это все не нравится. Однако горничная, по всей видимости, по-настоящему предана своей хозяйке и относится к ней с нежностью, как к матери.

– Возможно, они и делили леди Джессингем, – с усмешкой сказала Хелена Драммонд, – а может, даже были одновременно все трое в одной постели, но у тебя нет этому доказательств, Беллона. В любом случае это копание в грязном белье никак не поможет нашему общему делу.

– Тогда зачем ты предложила прокрасться на гуляния? – потребовала ответа Белла.

– Прокрасться в дом герцога, – сказала Хелена с жадной ухмылкой. – Это могло открыть для нас множество новых возможностей.

Что задумали сестры Драммонд?

– Тебе там понравилось, дорогая Беллона?

Злобный взгляд Хелены заставил Беллу понять, что, по мнению сестер Драммонд, она должна быть в ужасе от сыгранной роли. И это правильно, ведь она – Беллона Флинт.

– Это было ужасно, – сказала она с содроганием, – но я всегда готова пойти на жертвы ради общего дела.

– Дорогая, дорогая Беллона! – воскликнула леди Фаулер, протягивая ей костлявую руку. Белла осторожно взяла ее в свою, ощущая тонкость натянутой кожи.

– Мне жаль, что у меня ничего не вышло, мадам.

– Мы не можем побеждать в каждой битве. Посиди рядом со мной, пока мы слушаем Мэри. У нее такой успокаивающий голос.

Стул придвинули слишком близко к камину. На лице Беллы уже выступил пот, а от бедной умирающей дамы действительно ужасно пахло.

– Увы, мадам, у меня в доме произошло небольшое происшествие. Одна из моих служанок... Я постараюсь вернуться к вам позже.

Белла сбежала, чувствуя вину перед теми, кто оказался в доме леди Фаулер из-за бедности, но испытывала огромное облегчение, когда снова оказалась на свежем воздухе.

Торн безразлично встречал своего камердинера и наступающий новый день. Будь прокляты Олимпийские гуляния и все, кто в них участвует, включая его самого. Джозеф бесшумно передвигался по комнате, как всегда чутко улавливая настроение своего хозяина. Но в данный момент Торна это тоже раздражало.

– Принеси мне завтрак, – сказал Торн, поднимаясь с огромной герцогской кровати. Она принадлежала еще его отцу, и для Торна оставалась загадкой, поскольку он никогда не знал

своего отца, почему тот хотел, чтобы на всех ее поверхностях была выполнена резьба. Слава богу, резьба не была непристойной. Хотя это было бы неудивительно.

Крепко пьющий, играющий в карты, любитель скачек – таким был второй герцог Айторн, и Торн был рад, что никогда его не знал. Торн не был святым, но не заходил так далеко, как некоторые полагали, и сегодня ему было просто необходимо сохранить свое достоинство.

Он прошел в свою гардеробную и воспользовался душем, который установил там, скопировав конструкцию, используемую на кораблях. Ему нравилось принимать ванну, особенно большую греческую и, конечно, в компании женщин, но душ был более эффективен в некоторых ситуациях.

Он встал в широкий, глубиной до бедра, резервуар и потянул за цепочку, чтобы пустить воду. Она была теплой, именно такой температуры, как надо. Он вымылся весь, от пят до волос, на которых еще оставался серый порошок, который Джозеф нанес, чтобы замаскировать его цвет волос для образа пастуха.

Да, какое-то время было весело. Пока все не полетело к чертям.

Будь проклят Кристиан, и будь проклята его хладнокровная, недавно вновь обретенная жена. Но больше всего Торн хотел отправить в самые глубокие подземелья ада Психею Джессингем. Она преследовала Кристиана в надежде подловить его, и, в конце концов, ей это удалось. Но много ли пользы она от этого получила? Неужели эта женщина рассчитывала с помощью скандала заставить его жениться на ней?

Торн шагнул в теплое полотенце, которое держал Джозеф, и вытерся. Он расчесал волосы, надел свой банный халат, а затем сел бриться. Щетина была полезным атрибутом, особенно темная, и ему удавалось ее быстро отращивать. Как безупречный герцог Айторн, он брился дважды в день. Как капитан Роуз, он позволял ей отрастать, иногда превращаясь в бороду. Это было весьма полезно для смены внешности, как, например, для воплощения образа пастуха.

Тем не менее большинство людей все же его узнали. Он испытывал озорное искушение попросить своего единокровного брата прийти на гуляния. Они с Калемом могли бы провести несколько забавных розыгрышей. Увы, теперь ему было не до этого.

После завтрака он тщательно выбирал себе одежду, вооружаясь для визита в Маллорен-хаус, логово Ротгара. Он не должен показаться хотя бы в чем-то неполноценным.

Будь оно все проклято Аидом!

– Что мне с этим сделать, сэр?

Оглянувшись, Торн увидел в руке у Джозефа несколько серебряных звезд.

– Откуда они у тебя?

– Они зацепились за ткань вашего костюма, сэр.

Келено.

Нужно было попросить камердинера сжечь их – они были просто мишурой и не стоили и шести пенсов. Вместо этого Торн сказал:

– Положи на туалетный столик. Возможно, я смогу их вернуть.

Джозеф сделал это с показным безразличием.

Камердинер был прав, подумал Торн, выходя из своей комнаты. Хранить такие безделушки было неразумно. Украшение могло привести его к Келено, где бы и кем бы она ни была. Но это искушение, несомненно, стоило забыть.

На следующий день Белла неохотно собиралась посетить дом леди Фаулер. Она задержалась за завтраком, перелистывая газету и делая вид, что ищет там намеки на нечестивое поведение. Когда она бегло просматривала короткие объявления, одно из них привлекло ее внимание. Она решила прочитать его целиком:

Келено!

Ваши звезды у меня. Оставьте послание о том, когда я смогу вернуть их вам в “Козероге” на Пэлл-Мэлл.

Орион Хант¹⁰

О боже! Она потеряла свои звезды на маскараде, вероятно, когда целовалась с пастухом. И это лишь повод встретиться снова. Имя Орион Хант было предупреждением. Орион – это бог, который охотился на плеяд со злым умыслом.

Белла снова прочитала короткое объявление, поддавшись искушению.

Ее тянуло совершить этот безрассудный поступок не только из-за пикантных воспоминаний, но и потому, что так она смогла бы сбежать от проблем в ее жизни. Сбежать от Беллоны Флинт. Вернуться в тот сказочный мир, который так отличался от мира леди Фаулер.

Если бы она могла встретиться с ним, не подвергая себя опасности... Но как это сделать?

– О, я думала, вы уже позавтракали, мисс, – сказала вошедшая в комнату Китти.

– Да, я закончила, – ответила Белла, поднимаясь из-за стола и откусывая кусочек тоста.

Китти, убирая посуду после завтрака, была явно обеспокоена. И поведение Беллы было тому не единственным поводом. Горничная передала ей шейный платок и еле слышно проговорила:

– Мисс, я должна вам кое-что сказать...

Белла повернулась, встревоженная нерешительным тоном Китти. О нет! Было верхом неприличия окинуть взглядом талию своей горничной.

– Мисс! – воскликнула Китти. – Я бы никогда не стала... И Энни тоже.

– Нет, нет, я уверена, что нет... Прости меня. Ты так... Неважно. Что ты хотела мне сказать, Китти?

Девушка закусил губу, а затем протянула:

– Я и Энни, мисс. Мы хотим вступить в брак.

Белла уставилась на горничную, чуть было не сказав, что сестры не могут выходить замуж друг за друга. Но ее взбудораженный ум смог-таки сформулировать разумный вопрос:

– В брак с кем?

– С Альфредом Хотчинсом и Зебедией Роллсом, мадам.

– Но, Китти, вы с Энни еще совсем юные девушки.

– Нам семнадцать и девятнадцать, мадам, а парни лишь ненамного старше нас. Они двоюродные братья, понимаете?

¹⁰ От англ. hunt – охотник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.